

МАГ, ЗАПИРАЮЩИИ СТРАНЫ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

АКИ

18+

Aki Latus

Маг, запирающий страны

«Автор»

2026

Latus A.

Маг, запирающий страны / А. Latus — «Автор», 2026

Мир лежит в руинах. Ядерный огонь, призванный стереть одну угрозу, выжиг целую страну и породил нечто бесконечно более страшное. Тот, кого боялись как оружие, восстал из пепла — но уже не как человек, и даже не как маг. Он стал Призраком. Он стал Законом. Он стал Условием. Теперь он — единственная сила, стоящая между уцелевшими остатками России и их окончательной гибелью в радиоактивном хаосе. Он создаёт новые города в недрах мёртвой земли и диктует новые правила выживания. Его называют Хозяином. Ему молятся о спасении. Но одна катастрофа порождает другую. Из праха старого мира пробуждается иной кошмар — холодный, бездушный и столь же беспощадный. Начинается война, где нет линий фронта, а поле битвы — сама реальность. Война между магией, ставшей плотью, и разумом, превратившимся в цифровую чуму. Чтобы спасти то, что осталось, придётся совершить невозможный выбор. Заплатить ужасную цену. И навеки запереть не только врагов, но и часть самой надежды.

© Latus A., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	23
Глава 5	29
Глава 6	37
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Aki Latus

Маг, запирающий страны

Глава 1

Пекин. Подземный комплекс глубокого залегания «Нефритовый Дракон».

Ситуационный зал №1 Комиссии по науке, технологиям и промышленности НОАК.

За 41 час 33 минуты до события «Молчаливое Цунами».

За овальным столом из чёрного дерева сидели семь человек. Не было ни орденов, ни парадных мундиров.

Только тёмные костюмы, белые рубашки. Лица – отточенные временем и непроницаемой дисциплиной маски. Они не смотрели друг на друга. Их взгляды были прикованы к голограмме, парившей в центре стола. Это был не портрет, не фотография. Это была динамическая фрактальная модель, постоянно перестраивающаяся сеть золотистых узлов и сияющих связей, напоминающая то нейронную сеть, то структуру кристалла, то схему ядерного реактора.

Рядом со столом, в позе почтительного внимания, стояла доктор Линь Сяо. Ей было пятьдесят четыре года, и она выглядела на все свои пятьдесят четыре – седые прядь в чёрных волосах придавали ей благородного серебра, а жёсткие морщины у рта создавали образ строгости. Холодные глаза цвета вулканического стекла мрачно блеснули за стёклами тонких очков. Её белый халат был единственным пятном не-тёмного цвета в зале.

– Уважаемые члены совета, – её голос был ровным, монотонным, как голос искусственного интеллекта, но каждое её слово обладало ВЕСОМ. – Позвольте представить итоговый отчёт рабочей группы «Сянь». Гриф «Особой важности».

Один из старейших, человек с лицом, напоминающим потрескавшийся от времени пергамент, едва заметно кивнул. Его звали Вэй. Он не занимал формальных постов вот уже последние пять лет. И именно поэтому его присутствие здесь означало, что вопрос решался на уровне не политики, а судьбы великой китайской цивилизации.

Линь сделала едва заметное движение пальцем. Голограмма изменилась. Теперь это была карта северного полушария. Над территорией России пульсировала алая точка с координатами, которые постоянно скакали с погрешностью в километр.

– Объект, условно обозначаемый «Образцом Ноль» или как «Первый Маг». Базовые параметры вам известны. Физическое бессмертие, регенерация, контроль над термоядерным синтезом в ограниченном объёме. Сейчас эти данные устарели, – она сделала паузу, дав этим словам повиснуть в тишине зала. – Они устарели три дня назад, после событий на объекте, оюозначаемом русскими как «Лесная».

На карте появилась вторая точка, недалеко от первой. Между ними протянулась светящаяся линия. Вокруг второй точки развернулась сложная диаграмма.

– Наши источники в европейских аналитических центрах, а также обработка открытых электромагнитных излучений и данных космического мониторинга позволяют сделать следующий вывод: в ходе боестолкновения объект продемонстрировал принципиально новый режим функционирования. Он перестал быть аккумулятором и преобразователем для магической энергии и стал её каналом. Разница фундаментальна.

Она снова коснулась интерфейса. Появились две схемы. Первая – шар, вбирающий в себя стрелки энергии, и испускающий их наружу в виде вспышек. Вторая – кольцо, через которое энергия протекала непрерывным потоком.

– До события «Лесная» объект был сложным, но конечным устройством. Мощным аккумулятором. Его можно было изолировать, истощить, перегрузить. Теперь, – Линь указала на

вторую схему, – он стал элементом системы. Точкой входа. Он не тратит запас – он пропускает через себя весь поток. Попытка отключить его от источника в зоне боя привела не к истощению, а к... трансформации. Объект изменил собственную природу, создав внешние структуры из кристаллизованной магической силы для компенсации. Он адаптировался. И для этого ему потребовались не дни. **СЕКУНДЫ.**

В зале было тихо. Никто не перешёптывался, внимательно слушая речь доктора.

– Это делает все предыдущие оценки его пределов недействительными, – продолжила Линь. – Мы более не можем оперировать прошлыми категориями. Мы должны говорить о скорости адаптации и масштабе системной интеграции.

Голограмма сменилась. Теперь это была трёхмерная модель, напоминающая растущий кристалл или коралл. В его узлах горели цифры.

– На основе данных о двух его трансформациях – в Карпатах и под Москвой – наша модель «Белое Зеркало» спроектировала вероятный путь эволюции. Вероятность точности прогноза – 89,7%. Фаза 1: Стабилизация нового режима. Объект оптимизирует структуру «канала». Он станет энергетически автономным явлением, не нуждающимся во внешней подпитке в привычном смысле. Срок: от двух до шести недель. Фаза 2: Расширение влияния. Объект начнёт изменять окружающую реальность, делая её... совместимой с собой. Воздействие на физические законы в локальном масштабе. Срок: три-восемь месяцев. Фаза 3...

Она замолчала на секунду, впервые за презентацию.

– Фаза 3: Системная доминация. Объект достигнет такого уровня интеграции с магическим полем планеты, что его присутствие станет константой на определённой территории. Он перестанет быть существом. Он станет условием. Физическим законом, действующим на ограниченной территории. Как гравитация. Как скорость света. Попытка противостоять ему в этой зоне будет равносильна попытке бросать вызов самому богу. Срок: от двенадцати до двадцати четырех месяцев с текущего момента.

В зале повисла гробовая тишина. Старейший, Вэй, медленно сложил трясущиеся старческие руки перед собой на столе. Звук, с которыми сомкнулись его сухие ладони, показался всем присутствующим оглушительным, словно выстрел.

– Вы утверждаете, доктор Линь, – его голос был тихим и скрипучим, – что через два года на территории Российской Федерации будет действовать новая сила природы? Антропоморфная сила, с волей и... что? Целями?

– Не антропоморфная, господин Вэй, – поправила Линь без тени страха. – Антропоморфна лишь внешняя форма, данная ему изначально. Его логика уже, как показывают прогнозы искусственного интеллекта, частично перестала быть человеческой. После «Лесной» наши психолингвисты проанализировали все перехваченные фрагменты его мысленной речи. Степень использования эмоционально-оценочных категорий снизилась на 73%. Его мышление структурно сближается с языком математического моделирования и операционной логики. Он мыслит системами, переменными, целевыми функциями. Его последняя зафиксированная нами «цель» – стать «Гарантом». Это не человеческое желание справедливости. Это... установка программы. «Если существует угроза X, принять меры Y для её устранения». Проблема в том, что он сам определяет, что есть угроза X. И какие меры Y допустимы.

Она снова махнула рукой. На карте России зажглись десятки жёлтых точек.

– Российское государство в лице нынешнего руководства рассматривает объект как стратегический актив. Но они ошибаются. Они – не хозяева оружия. Они – его питательная среда. Их инфраструктура, их научные центры, их политическая система – всё это ресурс для его эволюции. Каждая их попытка использовать его, каждый конфликт – это данные для его адаптивных алгоритмов, топливо для его роста. Симбиоз, который они считают контролируемым, на деле является паразитическим. Они – хозяин, отдающий плоть и разум паразиту, который считает их частью экосистемы, подлежащей оптимизации.

– И к чему приведёт эта... оптимизация? – спросил другой член совета, мужчина лет шестидесяти с лицом обыкновенного бухгалтера. Его звали Цай.

Линь посмотрела прямо на него.

– К созданию устойчивой системы. В центре которой – он. Для обеспечения устойчивости потребуется ликвидация нестабильных элементов. Внутри страны – это любые очаги сопротивления, инакомыслия, децентрализации. Во внешней политике – любые силы, способные бросить вызов системе. Наша модель даёт 96,2% вероятность, что после завершения Фазы 2 объект инициирует или спровоцирует масштабный конфликт для «тестирования» своей возросшей мощи и устранения потенциальных угроз. Одна из наиболее вероятных целей первой крупной внешней акции – наша великая империя.

Вэй не изменился в лице. Он лишь слегка наклонил голову.

– Почему?

– По трём причинам. Первая: географическая близость и наличие протяжённой границы. Вторая: технологическая и военная мощь, зачастую не имеющая аналогов в мире и делающая нас единственным реалистичным вызовом. Третья: культурно-цивилизационное отличие. Его логика, выросшая из западного, русско-европейского субстрата рациональности и мессианства, будет идентифицировать нашу систему как чужеродную, не поддающуюся интеграции. Как угрозу, которую необходимо нейтрализовать.

– И каков предполагаемый сценарий этого конфликта? – спросил Цай. В его голосе не было страха. Был лишь холодный интерес.

Линь снова изменила голограмму. Теперь это была схема, напоминающая дерево. На вершине надпись – «Объект достигает Фазы 3». Далее – ветвление.

– Сценарий «А», вероятность 41%: Прямая силовая конфронтация. Объект совершает акт стратегического устрашения против одного из наших мегаполисов или критически важных объектов. Цель – демонстрация беспомощности нашей обороны и принуждение к капитуляции или принятию его условий.

– Сценарий «Б», вероятность 34%: Непрямое воздействие. Объект провоцирует внутренний кризис: манипуляция климатом, геотектоническая активность, создание зон «аномальной физики» на нашей территории. Цель – дестабилизация без прямого нападения, вынуждающая нас к переговорам.

– Сценарий «В», вероятность 25%: Полномасштабная ассимиляция. Объект начинает физическое расширение своей зоны влияния. Изменение ландшафта, создание непреодолимых барьеров. Фактическая аннексия территории с последующим «упорядочиванием» населения.

Она выдержала паузу.

– Во всех трёх сценариях итог для нашей империи один: потеря суверенитета, либо физическая, либо политическая. Мы становимся либо мёртвой зоной, либо вассалом в новой, диктуемой им системе мироустройства. Вероятность сохранения независимости после начала Фазы 3 объекта – 0,7 процента. Погрешность модели – около 0,3 процентов.

Цифра повисла в воздухе. Ноль целых семь десятых процентов... Меньше одного.

– Что предлагает рабочая группа? – спросил Вэй. Его вопрос прозвучал не как запрос, а как ритуал, последняя формальность перед приговором.

Линь выпрямилась. Её поза стала ещё более жёсткой и решительной, насколько это было возможно.

– Уважаемый совет, мы исчерпали все варианты сдерживания, нейтрализации или симбиоза. Объект эволюционирует быстрее, чем развивается любая возможная контр-технология. Окно возможности для действий, которые имеют шанс успеха более 50%, закрывается через семьдесят два часа.

Она коснулась интерфейса в последний раз. Карта мира исчезла. Появился простой, чёрный экран с белым текстом на четырёх языках, включая русский. Заголовок: «Операция «Вэй Шэн» (Великая Санитария)».

– Суть операции, – голос Линь стал ещё более безжизненным, словно она зачитывала донельзя скучную инструкцию по утилизации опасных отходов, – хирургическое удаление трёх элементов:

1. Цель-Альфа: Сам объект («Образец Ноль»).

2. Цель-Бета: Вся связанная с ним исследовательская и производственная инфраструктура на территории противника.

3. Цель-Гамма: Политическое и военное руководство противника как носители парадигмы, породившей угрозу и способные к её воспроизводству.

– Метод: Комбинированный удар, обозначенные как «Молчаливое Цунами». Кибернетический паралич систем управления и связи. Последующее применение ядерных боеголовок по целям Альфа и Бета с элементами, подавляющими магическую активность. Тотальное физическое уничтожение целей Гамма.

На экране появились расчётные цифры. Проценты успеха, оценки возможного ущерба, прогнозы радиоактивного заражения, модели климатических последствий.

– Ожидаемый уровень неприемлемого ущерба для территории противника: от 60 до 80% инфраструктуры, от 40 до 70% населения в зонах непосредственного поражения, – Линь холодно продолжала, словно бы и не описывала сценарий самой жестокой за всю историю планеты, войны. – Риск эскалации и ответного удара по нашим территориям: 11,3%. Система «Нефритовый Щит» гарантирует нейтрализацию не менее 85% боеголовок ответного удара даже в условиях потери стратегической инициативы. Принятый уровень остаточного ущерба для нашей страны – приемлем. На нейтрализацию последствий ответного удара по нашим территориям потребуется около полувека.

Она замолчала, дав цифрам осесть в сознании семи стариков за столом. Цифрам о миллионах жизней, о цивилизации, которую предстояло стереть с лица земли. Не из ненависти. Не из страха. Из холодного, чистого, неопровержимого расчёта.

Первым снова заговорил Вэй. Он медленно повернул своё древнее лицо к доктору Линь.

– Какова вероятность полного успеха операции? Уничтожения цели-Альфы?

Линь не моргнула.

– При реализации всех элементов «Молчаливого Цунами» в полном объёме, с использованием полученных от агента «Тень» координат и кодов доступа – 81,3%.

– А если он выживет? – спросил Цай. Его лицо было бледным, но голос оставался твёрдым.

– Тогда, – ответила Линь, и в её голосе впервые за всю презентацию прозвучала едва уловимая, леденящая душу нота, – вероятность того, что он перейдёт в категорию «неустраняемая внешняя угроза, тип «Бог», вырастает до 98,9%. Мы потеряем возможность нанести ему сколько-нибудь значимый урон. Нам придётся готовиться не к войне, а к сосуществованию на условиях, диктуемых им. Фактически – признать над частью своей территории, а затем, вероятно, и над всей планетой, суверенитет новой формы разума, чьи цели несовместимы с существованием национальных государств в их текущем виде.

Она посмотрела на каждого из семи членов совета по очереди.

– Наш выбор, товарищи, не между миром и войной. Выбор между контролируемой катастрофой сейчас – и гарантированным концом нашей цивилизационной модели в ближайшем будущем. Между хирургической ампутацией заражённой конечности – и смертью всего организма от сепсиса. Время на сантименты, на дипломатию, на надежду – истекло. Новой, столь удачной возможности действовать, нам уже может никогда не представиться.

В зале воцарилась тишина, настолько полная, что в ушах в присутствующих зазвенело.

Вэй устало закрыл глаза. Он просидел так довольно долго – целую минуту. Потом медленно открыл их. Его взгляд был устремлён не на Линь, не на голограмму. Он смотрел в пустоту за столом, как будто видел там будущее – горы пепла, мёртвые города, и над ними – сияющую, холодную, неумолимую фигуру нового хозяина мира.

– Сколько времени на санкцию? – тихо спросил он.

– Операция должна начаться не позднее чем через семьдесят один час, чтобы использовать окно уязвимости в системах ПВО противника, – отчеканила Линь. – На подготовку финальных команд – шесть часов.

Вэй медленно поднял руку. Не для голосования. Для жеста. Он положил свою иссохшую, покрытую пятнами ладонь на чёрную поверхность стола.

– Нет, – прошептал Цай, но не в знак протеста, а как робкая попытка отсрочить неизбежное.

Вэй повернул голову к нему. В его глазах не было ни гнева, ни сожаления. Только бесконечная, ледяная уверенность. Уверенность человека, который взвесил миллионы жизней на одной чаше весов и суверенитет цивилизации – на другой. И нашёл чашу с суверенитетом бесконечно более тяжёлой.

– Делайте, – наконец приказал он. – Очистите поле. Сотрите угрозу. Даже если для этого потребуется стереть с карты мира целую страну. Лучше радиоактивная пустошь на границе, чем бог, диктующий нам законы из Кремля.

Он отвёл руку. Его решение, тихое и бесповоротное, повисло в стерильном воздухе зала. Для присутствующих это был более не акт войны. Это был акт санитарии.

Доктор Линь кивнула, один раз, чётко. Её работа на этом была закончена. Расчёт представлен. Приговор вынесен.

– Принято, – сказала она, и её голос снова стал абсолютно монотонным, лишённым каких-либо эмоций. – Операция «Великая Санитария» переходит в фазу активации.

Она выключила голограмму. Зал погрузился в полумрак, нарушаемый лишь холодным свечением индикаторов на стенах. Семь стариков молча поднялись и вышли через разные двери, не глядя друг на друга. Они несли с собой бремя решения, которое навсегда изменит мир. Бремя, от которого не было отпущения.

Линь осталась одна в темноте лаборатории. Она подошла к стеклянной стене, за которой пульсировали светодиодами серверные стойки. Она положила ладонь на холодное стекло и простояла так несколько минут, глядя на мириады зелёных и красных огоньков – нейронов искусственного разума, который только что приговорил один народ к огню, а другой – к вечному страху перед тенью, которую, возможно, не удастся уничтожить.

«Восемьдесят одна целая и три десятых процента, – подумала она, и её мысли были такими же холодными, как стекло под рукой. – Недостаточно. Но альтернатива – ноль. Ноль – это уже не вероятность. Ноль – это приговор».

Она оторвала руку от стены, развернулась и твёрдыми шагами направилась к выходу. У неё было шесть часов, чтобы превратить приговор в реальность. И не было ни секунды на сомнения.

Глава 2

Москва. Ленинградское шоссе, 37-й километр.

«Мерседес» S-класса с затемнёнными бронестёклами двигался в составе неброского кортежа: два таких же чёрных автомобиля спереди, два сзади. Ни мигалок, ни спецсигналов — только размеренный ход со скоростью девяносто километров в час. Как и положено частной охране серьёзного бизнесмена, которого якобы везут на утреннюю встречу в аэропорт Шереметьево. Ничто не выдавало в этой процессии одного из самых влиятельных людей страны — человека, чьи решения в последние месяцы определяли не только политику, но и сам вектор развития цивилизации.

Внутри автомобиля пахло дорогой кожей, крепким кофе и напряжённой тишиной. Иван Сергеевич сидел на заднем диване, отгороженный от водителя глухой перегородкой. Перед ним на откидном столике горел экран тонкого защищённого планшета. На нём в реальном времени транслировались данные с двадцати семи каналов: сводки из «Обсерватории» о состоянии Первого, последние отчёты Климова о ликвидации остатков заговора, трейдерские сводки с азиатских бирж, где акции химических концернов, связанных с производством прекурсоров для препарата «Икс», начинали необъяснимо ползти вверх. Каждый документ, каждая цифра были частью гигантской мозаики, которую Иван Сергеевич складывал в единую картину реальности — картину, доступную лишь ему одному.

Его пальцы бесшумно скользили по сенсорной панели, отмечая, комментируя, ставя виртуальные резолюции. Каждые три минуты он поднимал взгляд к встроенному в потолок монитору, где в четырёх секторах показывали обстановку вокруг: спутниковый снимок трассы, тепловизионную карту леса по обочинам, схемы расположения своих патрулей и данные с автономных датчиков — магических и обычных. Всё было чисто. Тишина. Работа. Рутинная, выверенная до микрона деятельность огромного механизма, который он создавал десятилетиями. Механизма, который должен был привести его к абсолютной власти в новом мире — мире, где магия и технологии станут двумя сторонами одной монеты.

Он позволил себе микроскопическую, почти невидимую улыбку. Операция «Наследник» шла строго по графику. Группа «Барс» должна была уже вступить в контакт с Первым. Сценарий был прост, как всё гениальное: показать героизм, пожертвовать несколькими бойцами, укрепить в сознании «объекта» мысль, что внутри системы есть те, кто ему беззаветно предан. А параллельно — подготовить покушение на своего же двойника. Общая боль, общая угроза. Идеальный клей для будущего альянса. Психология, возведённая в ранг высокого искусства.

План был элегантен, как шахматный этюд. Он не просто убирал конкурентов — он использовал их трупы как удобрение для нового, более прочного союза. Союза, где он, Иван Сергеевич, оставался незаменимым архитектором, теневым режиссёром, посредником между человечеством и его новым, непонятным и строгим богом.

Через год, максимум два, мы начнём диктовать условия не только Западу, но и Пекину, — пронеслось у него в голове. — Конвенция о Разумной Силе станет лишь первым шагом. А следующим... будет передел самой реальности. Тот, кто контролирует Первого, контролирует будущее.

Мысль резко оборвалась, не успев развиваться до конца. Где-то далеко, на самом краю сознания, лопнула тончайшая, почти эфемерная струна. Не звук, не сигнал — чистое предчувствие. Иван Сергеевич замер, его пальцы зависли над планшетом. Не страх. Нет. Профессиональное, отточенное годами чутьё на катастрофы било тревогу. То самое чутьё, которое не раз спасало ему жизнь в коридорах власти и на полях тайных войн. Что-то пошло не так... Что-то фундаментальное.

В этот момент тихо запищал встроенный в подлокотник терминал спутниковой связи. Не обычный звонок — специальный, шифрованный канал «Тишина-1». Тот, что использовался только для сообщений стратегического уровня, означающих прямую и немедленную угрозу его персоне или всему проекту. Звук был мягким, но в данной обстановке он резанул слух, как настоящая сирена.

Он нажал кнопку приёма, не меняя выражения лица. Его взгляд оставался таким же холодным и сосредоточенным.

— Говорите.

Голос в динамике был абсолютно ровным, без тени паники. Это был оператор из центра кризисного мониторинга, человек, которого он лично отобрал два года назад за железные нервы и безупречную аналитику. Голос, который мог бы сообщать о падении курса рубля или о конце света с одинаковой интонацией диктора, зачитывающего прогноз погоды.

— Товарищ Верховный Главнокомандующий. Код «Колокол». Повторяю, код «Колокол». Зафиксирован массированный пуск баллистических ракет с территории Китайской Империи. Цели — объекты стратегического значения на территории Российской Федерации. Количество боевых блоков по предварительным данным — более двухсот. Характер траекторий — не учебный. Атака признана реальной. Угроза подтверждена.

В салоне «мерседеса» ничего не изменилось. Всё также был слышен тихий, почти неслышный гул двигателя. Президента всё также окутывал мягкий полумрак, созданный тонировкой. Запах кожи и слабый аромат кофе из подстаканника приятно щипал в ноздрях... Но воздух словно стал чуть гуще, чуть тяжелее, будто салон превратился в барокамеру. Иван Сергеевич медленно перевёл взгляд на монитор с тепловизионной картой. Там по-прежнему были только зелёные силуэты его охраны да холодные синие пятна деревьев. Ничего. Абсолютно ничего. И в этом «ничего» таилась вся чудовищность происходящего.

— Источник данных? — спросил он так же спокойно, будто уточнял прогноз погоды на завтра. В его тоне не дрогнула ни одна нота.

— Спутники «Кронос-2» и «Кронос-4». Система раннего предупреждения «Око». Данные подтверждены станцией слежения в Благовещенске и радарам ПВО в Забайкалье. Противник применяет средства радиоэлектронного подавления высокой интенсивности — вероятно, расчёт на внезапность и скорость. Время подлёта первой волны боеголовок к целям в европейской части — от четырёх до двенадцати минут.

Четыре минуты... Он мысленно, почти машинально, прикинул расстояние до ближайшего убежища — секретного бункера под Завидово, построенного ещё в семидесятые, но модернизированного по его личному указанию год назад. Двадцать пять километров. Даже с разогнанными до предела пробками, даже нарушая все правила, они не успеют. Да и смысла в этом уже не было. Если китайцы нанесли удар такой силы, то они просчитали всё, включая возможные пути отхода ключевых фигур. Бункер, скорее всего, уже тоже является целью, и, возможно, даже более приоритетной, чем движущийся автомобиль.

— Картина целей, — приказал он, и его голос прозвучал чуть хриплее, чуть глубже обычного — единственный признак внутреннего напряжения.

На планшете перед ним мгновенно всплыла детализированная карта России. На ней зажглись десятки, а затем и сотни алых, пульсирующих меток. Они множились с каждой секундой, как сыпь смертоносной болезни, поражающей тело огромной страны. Москва. Санкт-Петербург. Калининград. Нижний Новгород. Ростов-на-Дону. Екатеринбург. Новосибирск... И десятки других, менее крупных, но не менее стратегически важных точек — места дислокации ракетных дивизий, подземных командных центров, закрытых исследовательских институтов, связанных с магическими программами «Периметр» и «Эгида».

И одна метка. Небольшая. Но ярко-алая, почти кровавая. Не в городе. Ровно на Ленинградском шоссе, в тридцати семи километрах от МКАД. Она пульсировала с тревожной регу-

лярностью, и рядом с ней бежали цифры: расчётное время до удара — 00:04:17. Четыре минуты семнадцать секунд.

Он посмотрел на эти равнодушно мигающие цифры. В его глазах не было ни злобы, ни паники, только чистая математика. У него оставалось четыре минуты семнадцать секунд до небытия.

— Уточните цель номер 147-альфа, — тихо, но чётко произнёс он, и в его голосе впервые зазвучало нечто, отдалённо напоминающее живой интерес. Но не страх. Ни капли страха.

В динамике послышался лёгкий, почти неразличимый шум — оператор пролистывал данные, сверял координаты.

— Цель 147-альфа. Координаты с погрешностью в пятьдесят метров соответствуют вашему текущему местоположению. Характер цели — стратегический: ликвидация высшего политического и военного руководства. По данным перехвата телеметрии и анализа траекторий разлёта боевых блоков, противник располагает точными, актуальными координатами и атакует также всех двойников, задействованных в операции «Зеркало». Вывод: произошла утечка информации высочайшего уровня из самого ядра системы. Вероятный источник — агент «Тень» или кто-то из его непосредственной сети. Предательство подтверждено.

Сергей Петрович... — Мысль пришла мгновенно, холодная и кристально ясная, как удар лезвием по стеклу.

Да, конечно. Он, Иван Сергеевич, просчитал ситуацию на два шага вперёд, но противник — на три, а может, и на все четыре. Он думал, что ловко использует теневика, своего старого «коллегу» по теневой войне, а тот сам выбрал нового, более сильного и, видимо, более щедрого хозяина. Пекин. Логично. Прагматично. Даже уважительно по-своему. В игре таких масштабов предательство — не эмоция, а тактический ход.

— Что с двойниками? — спросил Иван Сергеевич, его взгляд всё ещё был прикован к той пульсирующей метке, что обозначала его собственное скорое уничтожение.

— Все семь активных двойников, задействованных в «Зеркале», также подверглись высокоточным ударам, — доложил оператор без тени сомнения. — Цели поражаются тактическими спецзарядами малой мощности, но с ювелирной точностью. Система дезинформации отработала на сто процентов — противник абсолютно уверен, что уничтожает реальные цели. С точки зрения китайской разведки, вы уже мертвы в семи экземплярах.

— Понятно... — тихо, почти шёпотом ответил Иван Сергеевич, устало откидываясь на спинку сиденья. В его движении была не обречённость, а скорее глубокая концентрация. Мозг, отбросив всё лишнее, работал на пределе, ища выход там, где его, по всем канонам, быть не могло.

Потом он задал вопрос. Единственный, который имел теперь для него истинное значение. Вопрос не о стране, не о мировой политике, не о спасении проекта. О личном. О самом важном и тщательно скрываемом активе, который он сумел спрятать от всего мира, включая собственные спецслужбы, своих заместителей и, как он теперь надеялся, от китайской разведки.

— А... моя семья? Что с проектом «Улей»?

На другом конце провода повисла тишина. На этот раз более долгая, тягучая. Каждая секунда молчания отзывалась в висках тупым, нарастающим гулом. Потом раздался тихий, но предельно чёткий ответ.

— «Улей» не раскрыт. Все ложные цепочки, подставные адреса, слитые через подконтрольных двойных агентов данные — отработали как запланировано. Противник атаковал исключительно двойников и ложные объекты. Настоящие «активы» в полной безопасности. Система «Кокон» не нарушена. Последний сигнал «всё спокойно» по защищённому каналу поступил десять секунд назад.

Он закрыл глаза. Всего на мгновение. Внутри что-то дрогнуло и отпустило — невидимая, титанической силы пружина, сжатая годами ожидания худшего. Не любовь. Не нежность.

Чувство глубочайшего, почти ледящего удовлетворения. Его план. Его многоходовая, параноидальная до гениальности схема по защите того, что он считал своим продолжением, своим единственным неутилитарным вложением в будущее, — сработала. В мире, который прямо сейчас рушился под ударами ракет, в хаосе всеобщего предательства и смерти, самый главный его расчёт оказался верным. Это было... приятно. Горько, цинично, но бесконечно приятно.

В салоне воцарилась тишина, нарушаемая лишь едва слышным гулом двигателя и собственным ровным, замедленным дыханием.

Иван Сергеевич снова открыл глаза. В них не было ни страха, ни отчаяния, ни даже гнева. Была лишь абсолютная, отточенная как бритва решимость человека, который видит всю шахматную доску, понимает, что мат неизбежен, и теперь решает, каким будет его последний, единственно возможный ход. Ход, который не изменит итог партии, но может изменить природу самой игры.

— Благодарю за службу, — тихо, но очень внятно сказал он в микрофон. — Передайте всем в ЦКМ: вы с достоинством выполнили свой долг перед родиной. Дальше — действуйте по протоколам. Сохраняйте кадры, архивы, базы данных. Уходите в глухое подполье. Всем отбой.

— Понял. Принято. — В голосе оператора, этом эталоне бесстрастия, впервые дрогнула живая, человеческая нота. Не паники. Глубокого, ледящего уважения и — да, — скорби. — Времени остаётся две минуты десять секунд. Сопровождение до ближайшего укрытия невозможно...

— Я в курсе, — мягко, почти отечески перебил его Иван Сергеевич. — Отбой.

Он нажал кнопку, разрывая связь. Физический щелчок прозвучал неожиданно громко. Потом снял с уха миниатюрный прозрачный наушник, положил его на столик рядом с планшетом. Маленький зелёный индикатор его работы молчаливо потух.

— Остановитесь, — сказал он, нажимая кнопку переговорного устройства к водителю. Его голос был спокоен, даже будничен, будто он просил остановиться у цветочного киоска.

«Мерседес» плавно, без рывка съехал на заснеженную обочину, следом за ним встали остальные автомобили кортежа. Иван Сергеевич отщёлкнул замок бронированной двери, нажал на массивную ручку и вышел наружу.

Утро было холодным, ясным, пронзительным. Воздух пах хвоей, выхлопом и той особой, колючей свежестью, что бывает только за городом в преддверные часы весны. Он расправил плечи под тёмным кашемировым пальто, сделал несколько шагов вперёд, на серый, посыпанный песком гравий обочины. Сзади, из других машин, уже выскакивали агенты охраны, их опытные, обычно непроницаемые лица были бледными, глаза метались между ним, небом и горизонтом. Он поднял руку в чётком, отточенном жесте, давая им знак остаться на месте. Никаких вопросов. Никаких действий. Протокол.

Иван Сергеевич стоял посреди пустынной в этот ранний час трассы, глядя на восток. Там, за тёмной стеной ельника, над спящей Москвой, высилось небо, окрашенное в яркие, чистые, голубые тона восхода. Ничего необычного. Ни вспышек, ни ракетных следов, ни далёких грибов взрывов. Тишина, нарушаемая лишь приглушённым гулом где-то вдалеке и редкими, одиночными криками сорок в лесу. Сюрреалистичная, почти пасторальная картина апокалипсиса.

Так вот как оно бывает, — подумал он без эмоций, констатируя факт. — Не в бункере с картами и толпой бледных генералов. Не на трибуне мавзолея под взглядами тысяч. На обочине. Посреди дороги, ведущей в никуда. Практично. Даже символично. Всю жизнь куда-то ехал, а закончил путь просто у края асфальта.

Он медленно, не торопясь, расстегнул пальто, затем — пиджак дорогого тёмно-серого костюма. Под ним, на тонком шёлковом поясе, висел небольшой кейс из матового титанового сплава. Не крупнее пачки сигарет, но невероятно тяжёлый для своих размеров. Он отстегнул его, поднял перед глазами. На безупречно гладкой поверхности светилась тусклым голубым светом биометрическая сенсорная панель. Он приложил к ней большой палец правой руки.

Тихий, но отчётливый щелчок. Крышка отскочила на микроскопических петлях. Внутри, в идеальном ложементе из чёрного анодированного пластика, лежал единственный предмет: шприц. Не обычный медицинский, не одноразовый. Его цилиндр был выточен из тёмного, почти чёрного, непрозрачного стекла, сквозь которое лишь смутно угадывалась густая, вязкая, мерцающая жидкость. Она переливалась тусклыми бликами, словно жидкий металл, смешанный с сырой нефтью. На цилиндре была аккуратная лазерная гравировка: «Препарат X-Z. Протокол «Феникс». Партия 0».

Он вынул шприц. Вес был неожиданно ощутимым, солидным. Это не было лекарство. Это был инструмент. Последний и самый отчаянный инструмент, который он для себя приготавил в тайне ото всех.

«Протокол «Феникс»» — личная, нигде не зарегистрированная инициатива, запущенная им в обход всех научных комиссий, парламентских комитетов и даже собственной службы безопасности сразу после событий в Карпатах, когда он впервые осознал всю хрупкость своего положения. Базовый принцип был прост: если государство, эта громоздкая машина, в конечном счёте не сможет защитить своего главного архитектора, то архитектор должен защитить себя сам. Ценой всего. Ценой собственной человечности.

Он знал, что внутри. Это был не «усиленный» или «модифицированный» вариант препарата «Икс». Это было нечто принципиально иное. Результат безумного синтеза на основе украденных у того же Первого крошечных образцов тканей, но с добавлением... иных компонентов. Экспериментальных. Теоретических, существовавших лишь в черновиках нескольких гениев от биохимии. Цель — не просто создание мага, суперсолдата или ясновидца. Цель — направленная, управляемая трансмутация на фундаментальном уровне. Изменение самой природы носителя, переписывание его биологического и, как надеялись, метафизического кода. Трансформация в нечто иное, способное существовать, мыслить и действовать даже тогда, когда весь привычный мир вокруг обратится в пепел и плазму.

Вероятность успеха, согласно единственному отчёту, который он лично уничтожил сразу же после прочтения: менее 12%.

Вероятность сохранения когнитивных функций, памяти и базовой личности: ниже 5%.

Вероятность мучительной, но быстрой смерти в процессе трансформации: около 83%.

Альтернатива: гарантированная, стерильная, полная смерть через... он мысленно взглянул на воображаемые часы... примерно через минуту. Превращение в облако раскалённого пара, пепла и ионизированной плазмы на обочине Ленинградского шоссе. Чисто, быстро, без шансов.

Выбор, как всегда в его жизни, был прост. Между вероятностью и нулём. Между призрачным шансом и гарантированным концом.

Он не стал искать вены на плече. Не стал нервничать, суетиться. Неспеша снял пальто, бросил его на землю, закатал рукав тонкой белой сорочки. А после, молча, с хирургической точностью приложил иглу — странно толстую, почти как у ветеринарного шприца — к сгибу локтя, где под бледной кожей чётко проступал синеватый контур вены. И медленно, с невероятным, почти нечеловеческим усилием воли, надавил на поршень.

Первое ощущение — ледяной удар. Будто в вену влили не жидкость, а чистый, сжиженный космический холод. Холод, мгновенно растекающийся по руке, проникающий в грудную клетку, пробирающий до самых костей. Его уже не молодое, но всё ещё сильное сердце на миг замерло, захлёбываясь в этой ледяной волне, а потом забило с бешеной, аритмичной частотой.

Потом пришло жжение. Не метафорическое, не «как будто». Настоящее, физическое, невыносимое. Как будто его кровь внезапно превратилась в концентрированную кислоту или расплавленный свинец. Боль рванулась из точки укола, распространяясь по сосудистой сети с чудовищной, невообразимой скоростью. Он услышал собственный хрип — короткий, подав-

ленный, вырвавшийся помимо воли. Его пальцы непроизвольно сжали пустой стеклянный цилиндр так, что тёмное, сверхпрочное стекло с тихим хрустом треснуло, рассыпавшись на мелкие, острые осколки, впившиеся в ладонь, но он этого уже не почувствовал.

Он упал на колени. Крупный гравий болезненно впился в ткань дорогих шерстяных брюк. Мир перед глазами поплыл, закрутился, окрасился в сполохи багрового, фиолетового, ядовито-чёрного. Он физически чувствовал, как что-то движется внутри него. Не просто химическая реакция, не иммунный ответ... То было нечто живое, чужеродное, ужасающе сложное и чуждое. Вещество из шприца не растворялось в крови — оно захватывало её, перестраивало, переписывало код каждой клетки, с которой соприкасалось, заставляя её делиться, мутировать и умирать в бешеном танце перерождения. Кости начали гореть изнутри белым, беззвучным пламенем. Мышцы дёргались в хаотичных судорогах, не подчиняясь больше приказам мозга. Лёгкие отказались вдыхать — организм был занят более важной работой.

Где-то рядом кричали агенты, кто-то бежал к нему, он видел их размытые, искажённые силуэты, слышал искажённые, как из-под воды, голоса:

— Шеф! Иван Сергеевич! Что случилось? Медика сюда!

Но это было уже неважно. Весь его мир, все его легендарные амбиции и расчёты сузились до размеров внутреннего ада — титанической войны между его умирающей человеческой биологией и новой, насильственно внедряемой, чудовищной формой бытия.

В его сознании, ещё на миг сохранившем кристальную ясность, вспыхнули последние, отчётливые, лишённые уже даже намёка на эмоции мысли. Просто итоговый, машинный отчёт системы «Иван Сергеевич» перед её полным отключением или перезагрузкой.

Протокол «Феникс» активирован.

Начало трансмутации. Стадия 1.

Вероятность успешного завершения: 11,8%.

Вероятность потери исходной идентичности: 94,3%.

Альтернативный исход: нулевая.

Выбор подтверждён. Исполнение...

Мысль оборвалась на полуслове. Боль достигла своего пика, превратившись во всепоглощающее НИЧТО, в ослепительный белый шум тотального уничтожения и созидания. Его зрение погасло, растворилось в светящемся тумане. Слух отключился, утонув в рокоте собственной перестраивающейся крови. Тактильные ощущения исчезли — тело перестало быть его телом.

И в этот самый миг, когда его сознание уже рассыпалось на кванты, готовое угаснуть или переродиться во что-то невообразимое...

Восточная часть неба над лесом ВСПЫХНУЛА. Не постепенно, не нарастающе. Мгновенно, ослепительно, как будто где-то за горизонтом вспыхнула вторая, яростная и жестокая, звезда. Немой, всезаполняющий свет, на секунду затмивший утреннее солнце, окутал Ивана Сергеевича. Чистый, беззвучный, абсолютный свет грядущей смерти для миллионов. Свет, в котором застыли бегущие к нему фигуры охранников, искривлённые гримасами ужаса и понижения. А потом...

Потом пришёл грохот.

Глава 3

Москва. Глубокозалегающий правительственный бункер.

08:19 по местному времени.

Тишина в оперативном зале была особая. Не та, что бывает от бездействия, а густая, ватная, подавляющая тишина концентрации на грани разрыва. Её нарушал только тихий шёпот операторов, щелчки клавиатур и мерный гул серверов, грузно сопящих, словно огромное железное животное где-то в глубине скального массива.

Полковник Климов стоял перед главной ситуационной панелью. Его спина была идеально прямой, руки за спиной сцеплены в замок. На лице, освещённом холодным синим свечением десятков мониторов, не было ни тени эмоций. Только лёгкая припухлость под глазами, да свежий шов на скуле, выдавали бессонные сутки и боль, которую он давно научился игнорировать.

На панели в реальном времени разворачивалась картина самого настоящего конца света. Не апокалипсиса из фильмов — с криками, хаосом, паникой. Электронного, стерильного, неумолимого апокалипсиса, с которой столкнулась вся Россия.

Слева — тактическая карта России. Над ней, с восточных рубежей, ползли десятки, сотни ярко-алых стрелок-траекторий. Они расходились веером, как щупальца чудовищного спрута, нацеливаясь на города, военные базы, командные центры. Система автоматически присваивала им номера, рассчитывала точки падения, вероятности поражения. Проценты, обозначающие успех чудовищной в свой античеловечности атаки, неумолимо тянулись вверх: 87%... 92%... 99%...

Справа — мозаика из спутниковых снимков и данных с вышек. Там, где первые стрелки встречались с землёй, вспыхивали ослепительно-белые точки, которые система тут же гасила, заменяя кругами с быстро растущими цифрами: оценка мощности, радиус поражения, зона гарантированного уничтожения... радиация.

И в центре — сводка, которая обновлялась каждые три секунды.

СИСТЕМНОЕ ОПОВЕЩЕНИЕ: КОД «КОЛОКОЛ».

Массированная баллистическая атака с территории Китайской Империи.

Статус: АКТИВНА.

Цели поражения: 214... 217... 221...

Время до удара по Москве (ориентировочно): 00:04:29.

Система ПРО «Москва»: АКТИВИРОВАНА. Эффективность в условиях РЭБ: 12-18%.

Протокол «Перехват»: АКТИВИРОВАН. Каналы связи с активами: УСТАНОВЛЕННЫ.

Протокол «Крот» (эвакуация высшего руководства): НЕ АКТИВЕН.

Климов прочитал последнюю строку дважды. «Не активен». Значит, либо связь с Верховным прервалась, либо... всемогущественный искусственный интеллект системы оперативной поддержки уже приписал всё высшее руководство страны к мертвецам без возможности их эвакуировать до удара. Мысль была холодной, как сталь скальпеля. Климов молча её принял, обработал, отложил в ячейку своего разума: «Данные к учёту».

В зале, несмотря на могильную тишину, царило едва сдерживаемое напряжение. Операторы, мужчины и женщины в одинаковой тёмно-синей форме, бросали украдкой взгляды на молчаливую тёмную фигуру полковника. Они ждали приказа. Ждали чуда. Ждали, что этот каменный человек, который за последние сутки организовал чистку среди заговорщиков и теперь молча смотрящий на гибель страны, знает что-то, чего не знают они. Знает выход.

Но Климов ничего не знал. У него были только те данные, которыми располагали операторы и сотрудники, окружившие его.

Он наблюдал, как алая стрелка с индексом «Цель-001-Альфа» — расчётная траектория удара по Кремлю — пересекла Урал. Время до падения: 3 минуты 14 секунд.

В этот момент к нему подошёл майор Орлов, начальник смены связи. Лицо его приобрело цвет землистый, на виске вздулась синяя жила.

— Полковник, — его голос звучал хрипло и приглушённо. — Поступают запросы из бункеров «Звёздного» под Воронежем и «Гранита» под Екатеринбургом. Они запрашивают инструкции. Системы ПРО в их секторах подавлены атакой китайского ИИ. Время до удара по их регионам — менее пяти минут.

Климов медленно перевёл на него взгляд.

— Ответить: действовать по протоколу автономного выживания «Булат». Полный гермозатвор. Отключение всех внешних каналов, кроме спутникового резерва. Сохранять личный состав и архивы. Обеспечивать полный замкнутый цикл систем жизнеобеспечения. Исключение из протокола «Булат»: эвакуация на территорию бункеров максимально возможного числа необходимых специалистов и, при целесообразности, гражданских.

— Есть, — кивнул Орлов, но не ушёл. Он стоял, сжав кулаки. — Полковник... А наши? Что с нашими семьями? У многих здесь... в Москве, в Подмосковье...

Климов посмотрел на него. Потом его взгляд скользнул по залу. Он увидел молоденькую лейтенантку Шилкову, которая стиснула зубы так, что побелели скулы — её родители жили в Люберцах, прямо в центре одного из расчётных котлов поражения. Увидел капитана Яковлева, ожесточённо вбивающего данные в компьютер — у того в Мытищах была жена с трёхлетней дочерью. У каждого здесь, в этой стальной утробе, был кусок души, оставленный на поверхности, в том мире, который вот-вот должен был сгореть во вспышках атомных взрывов.

Он вернул взгляд к Орлову.

— Протокол «Булат» не предусматривает эвакуации родственников, — сказал он ровно. — Его цель — сохранение государственного управления и критических данных. Мы являемся центральным звеном всей системы управления и на нас лежит особая ответственность...

— Но мы же не просто управление, полковник! — вырвалось у Орлова, голос его сорвался на ор. Он тут же взял себя в руки, но в глазах застыл животный, немой вопль. — Мы люди. Мы остались здесь, выполняем долг. А они... они там!

На панели время до удара по Москве сменилось: 00:02:28.

Климов снова посмотрел на карту. Его разум, отточенный годами анализа, уже провёл расчёты. Их бункер был одним из самых защищённых бункеров во всей стране. Вероятность его уничтожения прямым попаданием — менее 0,5%. Но даже близкие разрывы сверхмощных боеголовок вызовут сейсмические волны, пробой в коммуникациях, возможно, завалы выходов. Они будут погребены заживо, возможно, на годы. И они будут последним оплотом того, что называлось Россией. Оплотом из испуганных, сломленных людей, которые думают не о долге, а о своих близких, сгоревших на поверхности.

ГАДСТВО... Это неэффективно, — холодно констатировала одна часть его сознания. — Но эмоции снизят работоспособность личного состава на 40-60%. Возрастет риск ошибок, неподчинения, паники... Если люди сломлены горем за родных, они просто бесполезны как специалисты.

Другая часть, та самая, что когда-то, много лет назад, привела его в эту службу, молчаливо смотрела на лица подчинённых. Он не был им другом. Он был лишь их командиром. Инструментом системы... Он не мог рисковать... Не имел права.

Вот только даже инструмент имеет точки напряжения, которые могут сломаться под тяжестью.

На экране вспыхнуло новое предупреждение: «Обнаружена аномалия: Цель-147-Альфа. Траектория не соответствует стратегическим объектам. Координаты: Ленинградское шоссе, 37-й км. Характер: тактический заряд малой мощности, высокая точность. Время до удара: 00:00:45.»

Ленинградское шоссе... Туда должен был ехать кортеж Верховного. Значит, это был прицельный удар по нему. Теперь понятно... Верховного, скорее всего, уже совсем скоро не станет.

Система лишилась центрального процессора, — констатировал разум. — Требуется перераспределение функций. Я, как самый старший по званию и допуску в данном узле, автоматически становлюсь временным командующим объекта. Моя задача — обеспечить его жизнеспособность и выполнение целевых функций.

А жизнеспособность зависит от людей. От их воли. Выбора нет.

На таймере: 00:02:16.

— Майор Орлов, — голос Климова прозвучал в гробовой тишине зала так, что все вздрогнули. — Сколько у нас свободных мест в карантинном боксе третьего уровня?

Орлов замер, не до конца понимая суть вопроса.

— Карантинный... Там места на двадцать человек, полковник. Но он не оборудован для...

— Достаточно, — перебил Климов. Он повернулся к залу, и его взгляд, холодный и тяжёлый, обвёл каждого. — Внимание. У нас есть около двух минут до первого удара по Москве. После него связь с поверхностью, транспорт, логистика будут парализованы и уничтожены на неопределённый срок.

Он сделал микроскопическую паузу. Время на таймере сменилось: 00:02:05.

— Я отдаю временное, устное распоряжение. Всем, чьи ближайшие родственники находятся в радиусе ПЯТИ километров от шахтных стволов «Альфа» или «Бета» — передать им координаты ближайшего входа и коды экстренного доступа. Только супруги, дети, родители. Никаких дальних родственников, друзей. У вас есть **РОВНО ДВЕ МИНУТЫ**, чтобы сделать один звонок или отправить одно сообщение через защищённый канал «Игла». После этого все внешние каналы будут отключены согласно протоколу «Булат». **БЫСТРО!**

В зале на секунду воцарилась полная тишина. Потом её взорвал судорожный гомон — десятки человек одновременно схватились за терминалы, зашифрованные телефоны, заговорили в микрофоны. Голоса были сдавленными, дрожащими: «Лена, слушай внимательно...», «Мама, бери Сашу и беги к...», «Код доступа: «Берёза-74»... повторяю...»

Климов наблюдал за этим, не двигаясь. Его собственные родители давно мертвы. Жены никогда не было. Детей тоже. Не было никого, кому он мог бы позвонить. Он был идеальным, стерильным инструментом системы. И сейчас этот инструмент делал нерасчётливый, неэффективный ход. Но Климов понимал, что выживание бункера, как центра управления, теперь зависело не только от брони и генераторов, но и от воли этих людей. А их воля была привязана к тем, кто остался наверху. Значит, нужно было попытаться спасти эти островки привязанностей.

Хотя бы небольшой горстке самых везучих необходимо было помочь. Одна только эта попытка уже поднимает мораль личного состава. Пусть и совсем немного.

Разумеется, это решение было ещё и эмоционально мотивировано. Эффективность с логической точки зрения под очень большим вопросом. Но моральная составляющая не оставляла выбора. Риски чудовищны: раскрытие местоположения входов, нарушение субординации, возможная астерильность бункера, но... Но вероятность, что противник сможет использовать эту информацию — крайне низкая. Их цель — стратегическое уничтожение, а не охота за отдельными бункерами, — анализировал его внутренний голос.

Таймер холодно отсчитывал последние секунды до удара: 00:00:57.

Большая часть родных оперативникам людей, которых ещё возможно было спасти, сгрудились на грузовых и пассажирских платформах бункера.

Время до удара: 00:00:24.

Климов до хруста сжал кулаки за спиной. Его зубы заскрипели от напряжения и осознания того приказа, который он вот-вот должен отдать... Полковник закусил губу до крови.

00:00:13.

— ЗАГЕРМЕТИЗИРОВАТЬ ВСЕ ВХОДЫ В БУНКЕР! ОПУСКАТЬ ЛИФТЫ! ГЕРМОЗАТВОРЫ — ЗАКРЫТЬ! АКТИВИРОВАТЬ ПРОТОКОЛ «БУЛАТ»!

Голос полковника загремел в гуле оперативного штаба. Со всех сторон раздались истеричные вопли, на внешних камерах было видно, как бегущие люди бросают вещи, пытаясь угнаться за закрывающимися створами бункера, но...

Ничего уже было не изменить. Протокол активирован. Бункер запирается. Затягивать дальше — значит обрекать на смерть вообще ВСЕХ. Климов должен был это сделать.

На главном экране вспыхнула карта Москвы. Над Кремлём возникла алая иконка. Рядом цифры: «Цель-001-Альфа. Контакт».

Звука не было. Но все в зале почувствовали ЭТО. Лёгкая, едва уловимая вибрация прошла по полу, по стенам, по потолку. Пыль заколебалась в лучах света. Гул от генераторов на секунду дрогнул, сковывая сердце полковника в ледяных тисках...

Только бы автоматика выдержала.

На экранах, подключённых к камерам наружного наблюдения, мир на мгновение ослепительно побелел. А затем мониторы погасли один за другим, заполнившись шумом и помехами.

Люди в зале застыли, не отрываясь от своих терминалов, от экранов с мёртвыми камерами. Кто-то вскрикнул — коротко, истерично, подавленно. Лейтенант Шилова уронила голову на клавиатуру, её плечи затряслись.

Климов ничего не сказал. Он молча смотрел на главную панель. Там, где только что была Москва, теперь зияло багровое пятно с равнодушными цифрами:

«Эпицентр. Радиус тотального поражения: 4.7 км. Зона значительных разрушений: 18.3 км».

Над другими городами также вспыхивали всё новые и новые багровые точки. Санкт-Петербург. Нижний Новгород. Казань. Каждый «контакт» отзывался в зале тихим стоном, сдавленным рыданием, проклятьем, прошёптанным сквозь стиснутые зубы.

Орлов подошёл к нему снова. Его лицо было мокрым от слёз, которые он даже не пытался вытереть.

— Полковник... приказ выполнен. Сообщения отправлены. Но... многие не дозвонились. Помехи, связи больше нет...

— Достаточно и того, что успели, — тихо произнёс Климов. — Мы очень рисковали спасая и тех немногих, кого могли. Теперь действуем по плану, майор. Отключайте все нежизненно важные внешние каналы. Переводите комплекс на автономное энергоснабжение. Активируйте протокол «Булат» в полном объёме. Мы уходим в глухую оборону. Придётся выживать.

— Есть, — прошептал Орлов и бросился исполнять приказы, крича что-то подчинённым. Его голос снова приобрёл металлическую твёрдость — работа, долг, оказались лучшим лекарством от ужаса ядерной войны.

Климов остался у панели. Его пальцы побелели, сжимая друг друга за спиной. Он смотрел, как его страна, его система, его мир умирает прямо на глазах. Каждый взрыв был не просто разрушением города. Это было стирание данных. Уничтожение узлов связи. Ликвидация активов. Миллионы смертей. То, на что у Крутова и его заговорщиков ушли бы целые жизни, Китай делал за минуты и с максимальной эффективностью.

Эффективно, — снова горько отметил холодный голос в голове. — Не оставляют нам даже шансов на восстановление в прежнем виде... Это конец.

А что было ими в прошлом? Россия. Государство. То, чему он служил. То, ради чего превратил себя в этот бесчувственный инструмент. И теперь эта система агонизировала, и он, её крохотный винтик, был заперт в её брюхе, наблюдая за концом всего того, чему он посвятил свою жизнь.

Он вспомнил лицо Верховного. Его последние инструкции: «Создать общее поле боли». Ирония этих слов сейчас оказалась невыносимо горькой. Теперь поле боли было не метафорой.

Оно было реальным, радиоактивным, покрывающим две трети территории страны выжженным пепелищем. А общего в нём было лишь то, что страдали все. И те, кто хотел власти, и те, кто просто хотел жить.

На одном из экранов, который ещё держал связь со спутником, он увидел знакомые координаты. Тот самый участок леса, где была та самая резиденция, где сейчас находился Первый. Над этой точкой сходились сразу три алые стрелки. Тактические заряды. Китай не оставлял шансов и богу.

Интересно, выживет ли? — мелькнула мысль. — Если выживет... что он сделает с миром, который только что попытался его убить столь жестоким способом? Может... Может хотя бы он отомстит этим ублюдкам за то, что они сотворили с нами?

Внезапно с громким шипением и треском ожил один из мониторов, уже считавшийся мёртвым. Это была камера с внешнего периметра — недалеко от входа «Бета». Картинка прыгала, залитая помехами, но было видно: бетонный козырёк, засыпанный пылью и обломками, и... израненными людьми. Несколько фигур двигались, оставаясь на ногах. Женщина с ребёнком на руках. Мужчина, поддерживающий старика. Они тыкались в массивную гермодверь, явно пытаясь ввести код на сдохшей панели.

— Полковник! — крикнул оператор у этого терминала. — У входа «Бета»! Люди!

Все в зале замерли, уставившись на экран. Это были они. Те, кому успели сообщить. Кто сумел добежать, проскочить через начинающийся ад на поверхности, но совсем чуть-чуть опоздал на эвакуацию...

Климов подошёл к пульту связи с постами охраны.

— Пост «Бета», доложите обстановку.

В динамике послышался хриплый голос:

— У входа гражданские! Четверо взрослых, трое детей! Говорят, получили коды от родственников внутри! Просят впустить! Внешний фон... полковник, тут творится что-то невообразимое. Воздух дрожит, слышны далёкие взрывы, небо... оно пылает.

Климов посмотрел на экран. На лицах людей застыл животный ужас. Женщина прижимала к груди маленькую девочку, лицо ребёнка было заплаканным и грязным. Старик, опирающийся на мужчину, был на грани потери сознания.

Риск. Впустить неизвестных. Возможно, среди них есть завербованные... Хотя сейчас вообще плевать на это. Важно другое. Все они — наверняка уже трупы. Радиация снаружи чудовищная и каждый из этих бедолаг умрёт в течение пары часов или дней. Да и разгерметизация бункера даже на пару секунд... Протокол «Булат» категорически запрещает подобное. Но протокол писался для другого мира. Для мира, где наверху ещё было государство, а не радиоактивные руины.

А ещё протокол писался для людей, у которых есть что терять. А у этих людей на экране уже не было ничего, кроме желания выжить. И ведь они были чьими-то матерями, отцами, детьми. Звеньями в цепочке лояльности его подчинённых.

Он видел, как лейтенант Шилова, утирая слёзы, смотрит на экран с немой мольбой. Капитан Яковлев замер, стиснув кулаки.

— Полковник, — тихо сказал Орлов. — Ваш приказ?

Климов медленно выдохнул. В его голове пронеслись цифры: вместимость карантинной зоны, запасы воздуха, воды, риск безопасности и стерильности... Чёткое понимание того, что выживших уже не спасти... И поверх всего — лицо Верховного, говорящего: «Управляй контекстом».

Контекст изменился. Нынешним контекстом был конец света и ставшая такой хрупкой вертикаль власти...

— Пост «Бета», — сказал он в микрофон, и его голос прозвучал удивительно спокойно в этом аду. — Впустите их. Немедленно. Проведите в карантинный бокс третьего уровня по

полному протоколу дезактивации и досмотра. Всех. Обеспечьте водой, базовой медицинской помощью. Любые попытки неподчинения или агрессии — пресекать на месте. Личный контакт с заражёнными исключить. Взаимодействие исключительно через автоматику и автоматов. Карантинный бокс полностью изолировать от основной системы бункера. После — запечатать все входы и выходы на поверхность до дальнейших приказов.

Он сделал паузу и добавил, глядя на лица своих людей в зале:

—И ещё передайте им... что их родные здесь, в безопасности. И ждут.

В динамике послышался короткий, облегчённый выдох.

—Понял! Впускаем!

На экране массивная дверь с глухим стуком и заклиниванием начала понемногу отъезжать в сторону. Фигуры на пороге тут же метнулись внутрь, исчезнув в темноте шлюза. Сразу за их спинами массивный створ снова замкнулся.

В оперативном зале кто-то всхлипнул — теперь уже от облегчения. Кто-то перекрестился. Орлов кивнул Климову, и в его взгляде было что-то большее, чем служебное уважение. Была благодарность. Признание того, что каменный полковник всё же остался человеком. Хотя бы на этот миг...

Климов отвернулся от экрана. Его лицо снова стало непроницаемым. У него не было выбора. Смерть этих людей под камерами бункера слишком сильно ударила бы по и так отчаявшемуся личному составу. Главное, чтобы стерильность основной зоны бункера оставалась нетронутой, а с дезактивацией третьего карантинного блока они справятся.

Он посмотрел на главную панель, где алая чума ядерных ударов медленно, но неумолимо покрывала всю карту европейской части России. Система уже начала подсчёт предварительных потерь: инфраструктура, население, военный потенциал. Цифры были чудовищными. Они просто не укладывались в голове.

Но профессиональный разум оперативника был устроен иначе, чем голова нормального человека... Он видел не только трагедию, но и новые исходные данные, с которыми необходимо было работать.

Государство в прежнем виде прекратило своё существование.

Центральное управление уничтожено и почти полностью парализовано.

Высшее руководство, вероятно, ликвидировано в полном составе.

Главный стратегический актив — Первый — находится под самым мощным ударом, его статус неизвестен.

Оставшиеся узлы связи и другие бункеры изолированы без возможности немедленной коммуникации.

Нынешняя задача системы: выжить. Сохранить функциональность. Установить связь с другими выжившими узлами. Оценить состояние единственного актива, всё ещё способного повлиять на континентальную обстановку — Первого. И на основе новых данных выработать стратегию существования в изменившихся условиях.

Он подошёл к своему терминалу, сел. Ноги предательски тряслись. Его пальцы остервенело застучали по клавишам, отвлекая мозг от деструктивных мыслей. Он открыл секретный протокол, известный только ему и высшему командному составу. «Проект «Перегрев»». План действий на случай полномасштабной ядерной войны и потери главного центра управления на поверхности.

Он ввёл свои коды доступа. Система запросила подтверждение личности: сканирование сетчатки, голоса, ДНК-анализ. Он прошёл все проверки.

На экране появилась надпись: «ДОСТУП РАЗРЕШЁН. ПРИВЕТСТВУЕМ, ВРЕМЕННЫЙ КОМАНДУЮЩИЙ ОБЪЕКТОМ НОМЕР 7. ПРОТОКОЛ «ПЕРЕГРЕВ» АКТИВИРОВАН.»

Перед ним развернулся минималистичный интерфейс. Карта с немногими зелёными точками — другими бункерами, ещё державшими связь через спутниковые каналы. Частоты экстренного вызова. Архивы с дубликатами самых важных данных государства: от чертежей новейшего оружия до генетических кодов ключевых учёных и... образцов тканей Первого Мага. Здесь, в самом сердце уничтоженной системы, хранились его клетки, его ДНК, тонкие срезы той самой золотистой плоти.

Актив может быть утрачен. Но данные о нём — нет, — устало подумал Климов. — Это наш главный козырь. Наше наследие. И наш самый великий грех.

Он начал отдавать приказы. Тихим, ровным голосом, который так и не дрогнул ни разу.

— Майор Орлов, установите приоритетную связь с объектами «Звёздный» и «Гранит». Запросите у них сводку потерь и их оперативные возможности. Для установления связи я предоставлю вам доступ к закрытой системе на моём терминале.

— Группе анализа — все силы на обработку спутниковых данных. Мне нужна карта уцелевших зон, дорог, хоть каких-то признаков жизни.

— Отделу безопасности — удвоить бдительность. В ближайшие часы ко входам могут потянуться выжившие. Решение о их приёме буду принимать лично я. Пока — никого больше не впускать. Мы на пределе возможностей.

—И... — он сделал едва заметную паузу, — подготовьте для меня личный канал на частоте «Омега-Ноль». Шифрование максимального уровня. Инженерам, ответственным за канал срочно прибыть ко мне. Автоматон будет находится в зоне тройного ядерного удара и потребуется дополнительный контроль за его работоспособностью.

«Омега-Ноль» — зарезервированный, сверхзащищённый канал связи с целой системой автоматических комплексов, наполненных универсальными ботами, способными работать в самых жёстких условиях окружающей среды. Это был единственный способ, единственная возможность для связи с кем-то на территории ядерной пустоши. С тем, чей статус сейчас и был неизвестен. С Первым.

Климов откинулся в кресле. Боль в скуле пульсировала в такт биению сердца. Огромный бункер мелко дрожал от всё новых взрывов на поверхности. Он закрыл глаза на секунду, представляя не руины городов, а холодное, золотистое сияние и безразличный взгляд того, кого они все когда-то создали, а теперь боялись больше любой бомбы.

Если ты жив, — обратился он мысленно к тому, чьи клетки лежали в криокамерах этажом ниже, — то что ты теперь будешь делать? И... понадобится ли мы друг другу в этом новом, выжженном мире?

А на экране протокола «Перегрев» равнодушно мигал курсор, ожидая его первого, настоящего самостоятельного решения в качестве командующего последним оплотом павшей империи. Мир снаружи горел. Мир внутри держался на хрупкой воле испуганных людей и холодном разуме одного полковника, который только что нарушил кучу протоколов, чтобы спасти пару десятков человек, и теперь готовился нарушить все остальные, чтобы спасти хоть что-то из того, что ещё осталось от страны.

Новая эра только что обрела свой самый мрачный и буквальный смысл. И Климов, сам того не желая, стал одним из её первых и самых строгих жрецов в этом подземном царстве.

Глава 4

Первый удар пришёл с неба.

Внезапно. Без предупреждения. Даже моё новое, расширенное восприятие, считывавшее течение магического поля на километры вокруг, не уловило его. Потому что это был не магический удар. Это была чистая физика, доведённая до абсолюта. Древний, тупой, бездушный бог по имени Эйнштейн-Оппенгеймер взыскал свою жертву.

Я успел увидеть, как восточный сектор неба над лесом – тот самый, где пару минут назад звучала стрельба – вдруг побелел. Не осветился. Именно побелел, словно гигантская кисть, смоченная жидким солнцем, провела по холсту реальности.

Затем белизна сморщилась в ослепительно-яркую точку и ринулась вниз.

Не было звука. Сначала. Было лишь ощущение. Ощущение, будто всё мироздание натянулось как струна, а потом... лопнуло.

Надменные ублюдки, – пронеслось где-то на задворках сознания, уже отравленного адреналином и холодной яростью. – Да это же ядерный взрыв...

Мысль была закончена, когда ударная волна докатилась до резиденции.

Звук пришёл мгновением позже. Сначала пришло молчание – то самое, что я так хорошо помнил после собственного взрыва в Карпатах. Воздух превратился в бетонную стену и ударил по всему вокруг с чудовищной силой.

Я не успел поднять щит. Не успел среагировать. Не успел даже осознать происходящее до конца.

Меня ударило.

Не по щиту. По мне. По моей плоти, по костям, по всему, что ещё оставалось от человека.

Всё произошло слишком быстро для боли. Сначала был свет. Ярче тысячи солнц. Он прошёл сквозь закрытые веки, выжег сетчатку, отпечатался на внутренней стороне черепа белым клеймом. Я физически почувствовал, как моя кожа – новая, розовая, только отросшая – испаряется. Не горит. Именно испаряется. Превращается в пар и пепел за микросекунды.

Потом пришёл новый удар. Не волна. Стена. Сплошная, абсолютная, безразличная стена из сжатого до состояния стали воздуха. Она прошла сквозь стены резиденции, как нож через масло. Бетон, арматура, стальные балки – всё это взметнулось вверх, рассыпалось, перемололось в пыль. И я оказался в самом центре этого.

Моё тело рвануло назад. Кости, усиленные магией до предела, жалобно треснули с хрустом сухих веток. Позвоночник выгнулся в немыслимой арке. Я услышал, как ломаются рёбра, как разрываются мышцы, как рвутся связки. Я летел сквозь огонь и пыль, и мир вокруг превратился в полосы белого света и чёрных теней.

Удар о землю. Жёсткий. Глухой. Земля поддалась, провалилась подо мной, приняв форму моего тела.

Тишина.

Глухая, звенящая тишина. В ушах стоял пронзительный писк, заглушающий всё.

Я попытался открыть глаза. Правый глаз видел узкую полоску кроваво-красного света сквозь ресницы, слипшиеся чем-то липким. Левого глаза я не чувствовал. Вообще.

Я попытался пошевелиться.

Не вышло.

Я лежал. Просто лежал. И медленно, с чудовищным опозданием, ко мне начала приходить боль.

Она не сразу навалилась на меня. Сначала было ощущение пустоты. Огромной, всепоглощающей пустоты там, где должны были быть ноги, живот, половина груди. Потом из этой пустоты вырвался жар. Не огненный. Жар распада. Жар того, что умирает.

И только потом пришла она – боль.

Она накатила волной. Горячей, густой, металлической волной, поднявшейся из того места, где раньше были внутренности, и разлившейся по остаткам нервной системы. Боль от ожогов. Боль от переломов. Боль от разрывов. Боль от того, что моё тело, моё бессмертное, неубиваемое тело, было разобрано на запчасти одним ударом.

Я повернул голову. Шея предательски хрустнула, но поддалась приказу.

То, что я увидел, не укладывалось в голове.

От меня осталось... ничего. Вернее, не ничего. Остался позвоночник. Изломанный, чёрный, обугленный столбик, торчащий из груди обгорелого мяса. От грудной клетки сохранилось несколько рёбер, торчащих в разные стороны, словно сломанные спицы зонтика. Одна нога. Левая. Она лежала в метре от меня, всё ещё прикреплённая к тазу лоскутом обугленной кожи и сухожилий. Правая нога... её просто не было.

Но самым странным были лапы. Золотые, сияющие, мои новые паучьи лапы. Их осталось всего две. Они торчали из моей развороченной спины, неестественно выгнутые, но относительно целые. Их острые концы глубоко впились в оплавленную землю, удерживая то, что осталось от моего торса, в полусидячем положении.

Я выглядел как скелет какого-то адского насекомого, пришпиленный к земле собственными конечностями.

Хорошо, – подумал я с какой-то запредельной, клинической ясностью. – Я жив. Всё ещё жив.

И тут я почувствовал второе сжатие.

Не в магическом поле. В воздухе. В самой реальности. Давление вокруг изменилось. Стало тяжелее дышать, хотя дышать я и так почти не мог – одно лёгкое было разорвано, второе наполовину спалено.

Я поднял взгляд вверх. Точнее то, что осталось от взгляда.

На востоке, чуть левее от места первого взрыва, небо снова начало меняться. Оно не белело. Оно как будто... темнело. Концентрировалось. Собиралось в тугую, невидимый узел.

Они били ещё раз.

По тому же месту.

Чтобы добить.

У меня не было времени. Не было сил на щит. Не было сил даже на мысли и план. Был только голый инстинкт. Древний, слепой, животный инстинкт выживания, зашитый в каждую клеточку от рождения...

Моё тело среагировало без меня.

Боль, адская, всепоглощающая боль, отступила на второй план. Её место занял чистый, неумолимый приказ: **СПРЯТАТЬСЯ!**

Золотые лапы дёрнулись. Они рванули вниз, вгрызаясь в землю, утаскивая за собой моё искалеченное тело. Кости, которые ещё могли двигаться, закрипели. Обломки рёбер впились в то, что осталось от лёгких. Я задохнулся, захрипел, из горла вырвался клокочущий, кровавый пузырь.

Но процесс уже пошёл.

Это была не магия. Не контролируемое изменение. Это был бунт плоти. Каждая ещё живая клетка, каждый клочок мышцы, каждый обрывок нервной ткани восстали против своего носителя. Они больше не хотели быть человеком. Быть пауком. Быть чем-то уязвимым.

Они хотели быть чем-то другим. Чем угодно. Лишь бы выжить.

Я почувствовал, как из культей, из разорванных ран, из обломков костей начинает расти что-то новое. Не золотое и сияющее, а мясное. Красное. Сырое. Это были не конечности. Это были щупальца. Толстые, покрытые слизью и кровью щупальца из живой плоти. Они вырывались наружу, извивались, хватались за землю, за камни, за моё же собственное тело.

Мой позвоночник с треском выгнулся ещё сильнее. Череп, оплавленный и потрескавшийся, начал деформироваться, сплющиваться. Я окончательно перестал видеть. Перестал слышать. Моё сознание, привязанное к человеческому мозгу, начало расползаться. Оно растеклось по этой новой, бесформенной массе плоти, теряя границы, теряя чёткость.

Я больше не был Первым Магом.

Я был Клубком. Огромным, пульсирующим, слепым Клубком из мяса и страха. Я был настоящей колонией сросшихся воедино червей.

Щупальца работали сами. Они рыли. Свивались в гигантский бурав и ввинчивались в землю. Стремясь уйти как можно глубже... Грунт поддавался. Камни трескались. Я закапывался. Глубже. Ещё глубже. Отчаянно, по-звериному пытаюсь спрятаться от света, который должен был прийти сверху и всё уничтожить.

Я ушёл под землю метров на восемь. Может, на десять. Щупальца обвились вокруг меня, создав плотный, дрожащий кокон. Внутри было темно, тесно и невыносимо больно. Каждое движение, каждый удар сердца, а сердце, чудом уцелевшее, всё ещё билось где-то в центре этого кошмара, отдавался новой волной агонии.

И тогда пришёл второй взрыв.

Я не увидел его. Но я его почувствовал.

Земля над моей головой вздрогнула. Не содрогнулась – именно вздрогнула, как живое существо. А потом на меня обрушилось давление. Чудовищное, всеокрушающее давление, сплющивающее камень. Мой кокон из плоти затрещал. Щупальца лопались, как перезрелые плоды. Кости, которые ещё сохраняли форму, превращались в порошок.

Но это было ещё не самое страшное.

Страшное пришло после.

Тихий, невидимый, беззвучный ужас.

Он просочился сквозь толщу земли, через трещины в камне, через разрывы в моей собственной плоти. Это была не боль и не угроза в привычном смысле. Это было... гниение. Изнутри.

Радиация.

Я почувствовал, как она проникает в меня. Не как яд, а как абсолютная, беспощадная бактерия самой смерти. Она проходила сквозь клеточные мембраны, разрывала нити ДНК, выжигала саму возможность жизни. Мои клетки, те немногие, что ещё пытались регенерировать, умирали мгновенно. Не от ожогов, не от травм. Они умирали от того, что сама инструкция по их существованию была стёрта.

Я умирал. Окончательно. Необратимо.

Регенерация больше не работала. Магия, которую я пропускал через себя, становилась бесполезной. Она могла залатать дыру, срастить кость, но не могла отменить радиационное отравление на молекулярном уровне. Я был обречён. Моё тело, даже это новое, уродливое, чудовищное тело, было смертным приговором самому себе.

Раковые клетки заменяли собой целые. Жуткие полипы, опухоли и волдыри нарастали по телу. Я гнил. Я умирал.

И в этот момент, в самой гуще физической и экзистенциальной агонии, я услышал голоса.

Они доходили до меня не через уши. Ушей у меня попросту не было. Они проникали сквозь дрожь земли. Через остатки магического чувства, которое ещё теплилось в моём распадающемся сознании. Это были тонкие, дрожащие нити мыслей, приходящих откуда-то извне...

– *Хозяин...*

– *Не гневайся...*

– *Не сердчайте, хозяин...*

– *Помилуйте...*

Они молились. Люди. Где-то там, наверху, в аду огня и радиации, какие-то люди молились мне. Просили пощады у того, кто сам лежал под землёй, разобранный почти на молекулы, умирающий в собственных испражнениях и распаде.

Ирония была настолько чудовищной, что в ней не было даже юмора. Была только бесконечная, вселенская пустота.

Я не ваш хозяин! – Хотел я заорать во весь голос. – Я просто... кусок мяса. Который боится. Которому больно. Который не хочет исчезать в этой темноте.

Но закричать я не мог.

Я мог только умирать.

И тогда я почувствовал третье сжатие. Лёгкое изменение давления в воздухе высоко-высоко над землёй.

Гады... Они не остановились. Они ударили и в третий раз. Чтобы стереть с лица земли даже память о том, что здесь что-то могло выжить.

И я понял.

Понял окончательно и бесповоротно.

Здесь, в эпицентре трёх ядерных взрывов, ничему живому не выжить. Ни плоти, ни костям, ни крови. Ничему, что состоит из клеток, из белков, из углерода. Это был приговор. Не только мне. Всему живому вокруг.

Но я не хотел умирать.

И даже больше. Я не мог позволить себе сдохнуть! У МЕНЯ ЕСТЬ РАДИ ЧЕГО ЖИТЬ!

Это желание вспыхнуло в моём распадающемся сознании последним, ярким, отчаянным пламенем. Оно было сгустком моей гордости, моей цели, моего личного смысла. Это был чистейший, животный инстинкт существования. Я есть. И я не хочу, чтобы этого «я» не стало.

И в этой точке абсолютной тьмы родилась мысль. Холодная. Ясная. Безумная.

Я – не моё тело.

Моё тело – это сосуд. Ныне сломанный, отравленный, непригодный для жизни.

Но я – это не сосуд. Я – это память. Это боль бетонной коробки. Это вкус гречки с тушёной в окопе. Это зелёные, обиженные глаза мальчика у Древа. Это чёрная ярость от того, что в твой дом вломились с войной. Это обет. Обет стать гарантом. Стать костью в горле у всего мира.

Я – это информация. Паттерн. Сознание.

А сознание можно перенести.

Для этого нужен новый сосуд. Такой, которому будет плевать на радиацию, на взрывную волну, на температуру в миллионы градусов. Сосуд, для которого законы биологии – не более чем шутка.

Магический сосуд.

Клон. Не из плоти. Из чистой силы. Из той самой маны, что течёт сквозь мир, которую я научился не копить, а пропускать сквозь себя!

Это был прыжок в бездну. Отказ от всего, что делало меня хоть сколько-нибудь человеком. Но другого выхода у меня сейчас не было.

Либо смерть, либо вечность в новом, чужом теле.

И я выбрал вечность.

Моё умирающее тело, этот клубок разлагающейся плоти, совершило последнее усилие. Не для регенерации. Для создания чего-то нового, чего-то, чего ещё никогда не существовало.

Я перестал цепляться за биологию. Перестал пытаться спасти клетки, кости, органы. Я отпустил их. Позволил радиации делать своё чёрное дело.

И всю свою волю, всё своё оставшееся сознание, я направил вовне. В мир, пропитанный смертью и энергией распада.

Я начал лепить.

Не руками. Голой волей.

Из клубящейся вокруг маны, заражённой радиацией, насыщенной болью и страхом чьих-то не перестающих молиться голосов, я начал собирать форму.

Я не копировал своё старое тело. Оно было для меня символом уязвимости, символом моего величайшего, позорнейшего провала. Я создавал нечто принципиально иное. Каркас из сияющих линий силы. Контур без органов, без костей, без плоти. Чистый энергетический шаблон, способный удерживать моё «Я».

Это было не восстановление. Это было переписывание.

Я брал воспоминания – самые яркие, самые острые, самые болезненные – и встраивал их в эту новую структуру. Боль от инъекций. Запах лаборатории. Лицо лейтенанта Маркова. Вкус той самой куриной грудки. Обида в зелёных глазах. Чёрная ярость. Холодный обет. Одинокая квартирка. Бабушка. Родные. Друзья. ВСЁ!

Я записывал самого себя на тело, сотканное из маны.

Это отнимало последние силы. Моё биологическое тело уже агонизировало, окончательно распадаясь на атомы. Сознание уплывало, как вода сквозь пальцы. Но я держался. Цеплялся за создаваемый образ, за этот новый, пустой сосуд, который должен был стать мной, пусть надежды на это успех и было совсем немного...

Третий взрыв произошёл именно в этот момент.

Земля над моей головой не выдержала. Каменная толща, уже дважды потрёпанная, треснула с оглушительным грохотом. Вниз, прямо на меня, хлынула плазма. Не огонь. Именно плазма. Воздух, нагретый до состояния солнца.

Он накрыл то, что осталось от меня.

Моё биологическое тело – клубок щупалец, обломки костей, куски обугленного мяса – испарилось мгновенно. Оно даже не сгорело. Оно перестало существовать на атомарном уровне. Растворилось в океане чистой энергии.

Но я... я уже не был там.

Последним актом воли я совершил прыжок. Перенёс искру своего сознания, сжатую до предела, в только что созданный магический сосуд.

И погас.

Тишина.

Абсолютная, совершенная тишина.

Не было звука. Не было боли. Не было тела.

Было только... существование. И осознание этого существования.

Я открыл глаза. У меня не было век, но я открыл то, что считал ими.

Я стоял в центре гигантской чаши. Диаметр в километры. Дно её было гладким, чёрным, стекловидным. Оно дымилось. Вокруг не было ничего. Ни деревьев, ни холмов, ни признаков построек. Только ровная, выжженная равнина, уходящая к дымному, багровому горизонту.

Небо было странным. Оно мерцало, переливаясь грязно-зелёными и фиолетовыми всполохами. Радиационное сияние.

Я посмотрел вниз. На то место, где я когда-то стоял.

Там, у моих ног, которые были вовсе не ногами, а сгустками мягкого золотого сияния, лежало... нечто. Небольшая кучка тёмного, спёкшегося шлака. Ни формы, ни подобия человеческих очертаний. Просто комок оплавленного вещества, чуть поблёскивающий в адском свете.

Я знал, что это. Это было всё, что осталось от моего тела. От некогда человека. От подопытного «Ноль». От Первого Мага.

Я умер.

И я стоял над своим прахом.

Я поднял руку. Она тоже была соткана из чистого света. Но не слепящего. Тёплого, глубокого, золотистого сияния. Я мог видеть сквозь неё, но она всё равно была плотной. Реальной. Я сжал пальцы. Они послушались. Были ли это пальцы? Или просто сгустки воли, принявшие привычную форму?

Это совершенно для меня неважно.

Я был. И это самое главное.

Я больше не дышал. Сердце не билось. Кровь не текла по венам. Я не чувствовал ни жажды, ни голода, ни усталости. Я не чувствовал вообще ничего, кроме собственного присутствия и тихого, ровного гула силы, которая теперь была моей сущностью.

Я был магическим существом. Чистым сознанием, облачённым в энергию.

Я посмотрел на восток. Туда, откуда пришла смерть.

Никакой ярости не было. Никакой ненависти. Пока было только опустошение и апатия после пережитого...

Они применили абсолютное оружие, чтобы уничтожить угрозу. И они почти преуспели.

ПОЧТИ!

Я сделал шаг. Моё новое тело, невесомое и в то же время невероятно плотное, легко скользнуло по стекловидной поверхности.

Подошёл к краю небольшой воронки – тому самому месту, где закопался, пытаюсь спастись. Там теперь была только гладкая яма.

Голоса стали отчётливее... Они упорно скреблись на задворках сознания, наполняя мой разум шумом.

И мой обет никуда не делся. Теперь даже больше. Он был вплетён в самую ткань моего нового существа. «Гарант». Но теперь это слово звучало иначе. Что я могу гарантировать в этом мире? Порядок? Спокойную жизнь?

Я развернулся и медленно пошёл прочь от места своей смерти. Моё сияющее тело было единственным источником света в этом крошечном мраке. Я шёл по ядерной пустоши, и с каждым шагом моя форма становилась чуть чётче, чуть определённое, вбирая в себя магию этого мёртвого места.

Я не был человеком. Не был магом. Я был Призраком. Тенью, которую не смогли убить. Духом этого мёртвого поля.

Я был **ХОЗЯИНОМ**, которого просят не гневаться.

И у меня была одна цель. Одна простая, ясная цель.

Найти тех, кто это сделал. И показать им, что есть нечто страшнее ядерного огня. Есть воля, которая отказалась умирать. Есть сила, для которой радиация – лишь питательная среда. Есть существо, которое прошло через три смерти и всё равно восстало из пепла.

Чтобы запереть их в тисках ужаса, который они сами и породили. И чтобы никому и никогда больше не пришлось повторить моего пути.

Глава 5

Всё вокруг было мёртвым.

Не было той благодатной тишины леса или утра — пустой, бездонной, обволакивающей. Окружающего покоя не нарушал ни ветер, ни крики птиц, ни отдалённый гул цивилизации. Слышался только тихий, едва уловимый шелест и далёкий гул — будто сама земля тяжело дышала, сжималась, кашляла и харкала кровью.

И я шёл по ней.

Мои ноги — если ЭТО можно было назвать ногами — не оставляли следов на оплавленном чёрном стекле. Они были сгустком сияния в мире пепла, золотым призраком в грязно-оранжевом мареве. Форма моего тела была неустойчивой, дрожащей, как пламя свечи на сквозняке. Она то вытягивалась в бесплотный столб света, то сжималась в шар, то невольно принимала очертания человека, прежде чем снова расплыться.

Моё новое сознание, лишённое биохимии, работало как чистая логическая машина. Но в глубине, в самом ядре этого сияния, догорали угольки воспоминаний. Они тянули его к чему-то знакомому. К человеческому облику.

Я остановился.

Под ногами — точнее, под сгустком энергии, игравшим для меня роль ног — стекло хрустнуло. Я посмотрел вниз. Лужа. Не вода даже — лишь коричневая, густая жижа из расплавленного песка, пепла и, возможно, чего-то органического. Дождь, прошедший за несколько часов до взрыва или после, собрал в эту впадину всю грязь окружающего мира.

И в этой грязи отражалось небо.

Багровое, ядовитое, с зелёными прожилками радиационных сияний. Лишённое солнца и облаков. Настоящая цветовая гамма апокалипсиса.

Я наклонился.

Сияние, бывшее моей головой, приблизилось к поверхности лужи.

Сначала в отражении было лишь золотое свечение, искажённое рябью. Потом — медленно проступили размытые контуры. Овальное пятно — лицо. Тёмные провалы — волосы. Я сконцентрировался. Сияние уплотнилось, структурировалось, подчиняясь неконтролируемому, древнему желанию — видеть себя.

Отражение послушно проступило сквозь грязь, как проявляющаяся фотография.

Молодой человек. Лет двадцати пяти. Резкие, почти угловатые скулы. Прямой нос. Тёмные, почти чёрные волосы, падающие на лоб. Губы, сжатые в тонкую, бесстрастную линию.

Это было моё лицо. Точнее, лицо того парня, которым я был до самого первого укола. До боли. До бессмертия. Лицо снайпера, ещё не познавшего вкус этой новой, жестокой жизни.

Но глаза...

Глаз у меня не было.

На их месте были лишь два слепых омута — источника золотого света. Без зрачков, без радужки, без белка. Просто две идеальные сферы сияния, вправленные в человеческие глазницы. Они не выражали ничего. Ни боли, ни гнева, ни скорби.

Я медленно поднёс руку — луч уплотнённой маны, принявший форму кисти с пальцами — к своему отражению. Кончики «пальцев» коснулись поверхности лужи... Отражение искажилось кругами и я отдернул руку. Я попытался коснуться собственного лица. Поднёс «пальцы» к тому месту, где должны быть глаза и...

Ничего.

Не было кожи. Не было кости. Не было тепла плоти. Я мог почувствовать форму своей головы — выпуклость щёк, впадины глазниц, линии скул, — но это была не плоть. Это была иллюзия, вылепленная из чистой воли и памяти.

Так вот кто я теперь...

И вправду самый настоящий призрак. Снимок с разбитой фотографии, натянутый на магическую куклу. Ирония судьбы в её самой изощрённой форме. Всю жизнь искал покоя, конца, небытия. А взамен получил вечность в облике того, кого сам же и убил первой же инъекцией. Маска юности на лице монстра.

Я снова посмотрел в свои золотые, слепые глаза в отражении. Они смотрели на меня. Бездонные. Пустые.

Бабушка... она бы наверняка испугалась. Да и кто бы не испугался, увидев такое в своём внуке? Испугалась бы и перекрестилась, тихо шепча «отче наш». А потом, наверное, долго и горько плакала бы. Потому что внук её окончательно потерялся где-то между жизнью и смертью.

Мысль о бабушке вызвала не боль. А что-то вроде... вибрации. Лёгкой ряби в ровном сиянии моей сущности.

Я стыдливо отвёл взгляд от лужи.

Перед мной простиралась равнина. Километры чёрного, стекловидного шлака. Кое-где торчали остовы деревьев, превращённые в угольные скульптуры. Вдалеке виднелись силуэты того, что раньше было домами, а теперь просто грудями оплавленного бетона с торчащей арматурой, похожей на сломанные иглы мёртвого ежа.

И тогда я понял.

Это не было точечным ударом. Не было попыткой уничтожить меня одного.

Я резко повернул голову, вглядываясь в горизонт. На востоке, на севере, на юге — везде, куда падал взгляд, — небо было одинаково багровым. И в нескольких точках, далеко-далеко, всё ещё стояли огромные пылевые грибы. Не один. Не два. Множество. Как ядовитые поганки, выросшие на теле страны.

Они стёрли всё. Чтобы стереть меня... Чтобы стереть страну. Чтобы стереть ВСЁ! Выжечь раковую опухоль вместе с органом. Прагматично... Эффективно. Цинично. Как и всё в этом проклятом мире.

Внутри, в глубине меня, что-то дрогнуло. Не ярость. Не ненависть. Это было нечто намного более холодное и страшное — абсолютное, леденящее.

Я ИХ ВСЕХ УНИЧТОЖУ.

Я решительно двинулся вперёд. К руинам.

Идти по краю ядерной пустоши было похоже на прогулку по чужому, враждебному климату. Воздух был густым, тяжёлым, с металлическим привкусом. Радиация — невидимая, беззвучная — пропитывала всё вокруг. Для моего нового восприятия она была как жутковатая дымка, отвратный смрад, медленно и неумолимо пропитывающий реальность. Я чувствовал её всюду и нигде не мог найти безопасного от неё места.

Руины пригорода встретили меня могильной тишиной.

Здесь ещё сохранились очертания улиц. Остовы машин, теперь намертво припаянные к асфальту. Скелеты деревьев в палисадниках. И везде — следы мгновенной смерти.

У разрушенной стены магазина увидел две тени. Человеческие силуэты, навсегда вплавленные в кирпич световым импульсом взрыва. Рядом валялась маленькая пластмассовая лошадка-качалка, наполовину оплавленная.

Качалка... Для ребёнка. Где-то здесь бегали дети. Кричали. Смеялись. А теперь здесь только тени и пепел...

Да что же творит эта война?

Я остановился перед очередной тенью и протянул вперёд руку. Мои золотые пальцы прошли сквозь обугленный кирпич, не тронув его. Но тень... тень была не материальна. И я не мог коснуться её.

Вот оно. Настоящее бессмертие, о котором все так мечтают. Остаться тенью на стене. Памятником чьей-то последней секунде ужаса. Я мог бы стать такой тенью. Мог бы. Но не стал.

Почему? Потому что я упрямый ублюдок? Потому что слишком много грехов за спиной, чтобы просто исчезнуть? Или потому что... я дал слово? Самому себе. Быть гарантом...

Мысль о «гаранте» сейчас показалась мне чудовищной насмешкой. Что я мог гарантировать в этом выжженном мире? Порядок? Безопасность? Будущее? Кому?!

Я пошёл дальше, и с каждым шагом холод внутри меня крепчал.

Потом наткнулся на дорожный указатель. Искорёженный, оплавленный, но всё ещё читаемый. Белая стрелка, чёрные буквы: «Москва — 15 км».

Сердце, которого у него не было, предальски ёкнуло.

Я посмотрел в сторону, куда указывала стрелка. Там, за холмами из руин, небо было особенно багровым, а тёмное облако радиоактивного пепла было самым большим.

Значит, и туда ударили. Столица. Кремль. Президент. Климов. Все те, кто строил планы, плёл свои интриги, пытался приручить меня... Они там. В этом аду. Или под ним?

Впервые за всё время — с момента пробуждения в новом теле — я ощутил нечто, отдалённо напоминающее... беспокойство. Не страх за них. Они были инструментами, пешками, игроками, многие были мне омерзительны, а кто-то, как Иван Сергеевич — вызывал уважение. Но они были пешками. Частью поля. И теперь кто-то пришёл и смёл все фигуры с доски, не спрашивая разрешения.

Моя родина... Моя проклятая, гнилая, но МОЯ! Они СОЖГЛИ ЕЁ. Вытоптали. Посолили землю радиоактивным пеплом...

Искра. Маленькая, горячая искра чего-то тёмного и древнего затеплилась во мне. Ещё не ярость. Предтеча ярости. Чувство собственности, оскорблённое до глубины души.

Я уже было собирался двинуться в сторону Москвы, подчиняясь холодному любопытству и этой новой, чужой искре, когда моё восприятие — не зрение, не слух, а нечто всеобъемлющее — уловило нечто интересное.

Жизнь.

Слабый, дрожащий, больной. Но огонёк жизни.

Я замер, «вслушиваясь» в окружающий мир. Это было похоже на едва уловимый шёпот в гробовой тишине, который ты слышишь, но не разбираешь.

Не один источник. Много. Сотня? Две? Перепутанные, полные боли, страха, отчаяния. А ещё... глухие. Будто огоньки, приглушённые толщей земли.

Под землёй! Точно! Метро!

Я резко развернулся и пошёл на зов.

Вестибюль станции метро был похож на развороченную могилу. Потолок обрушился, гигантские бетонные плиты нависли над залом подобно надгробиям. Воздух кишел мелкой радиоактивной пылью, мерцавшей в моём золотом сиянии.

Именно отсюда, из-под груды обломков, исходило то самое ощущение жизни.

Я подошёл к завалу. Моя сияющая нематериальная форма легко просочилась между плитами, не сдвинув их. Я плыл среди каменных джунглей, словно призрак из детских сказок.

И вскоре упёрся в преграду.

Массивные, толщиной в метр, створы. Сталь, облицованная свинцом. Сомкнуты намертво. На их поверхности — царапины, вмятины, следы от отчаянных попыток взлома. Кто-то пытался проникнуть внутрь. И, судя по мёртвым телам рядом со створами — не смог.

Я положил ладонь на холодный металл.

Даа...Эту дверь не взломать без серьёзной техники. Но техники у меня не было. Было только радиоактивное пепелище наверху и пара трупов с монтировками неподалёку.

Люди заперты. В своём же убежище. Как крысы в стальной клетке, заваленной камнями.

Я отступил на шаг, изучая преграду.

Если я — мысль, облечённая в магию... то почему стена должна быть для меня преградой? Сконцентрировался. Представил, как золотое сияние, бывшее моим телом, теряет плотность... Становится туманом... Дымом... Чем-то полностью нематериальным...

И постепенно моё тело начало светиться ещё ярче, утрачивая внешний вид человека и снова превращаясь в антропоморфную фигуру из света.

Это были очень странные ощущения... Не боль. Не дискомфорт. Скорее... что-то похожее на зуд по всему телу, смешанный с непривычной лёгкостью.

Вскоре моя форма ещё сильнее поплыла, потеряла чёткость. Контуров рук, ног, тела растворились в золотистой дымке. Полупрозрачная взвесь приблизилась к стальным створам... и начала просачиваться сквозь металл.

Прохождение сквозь сталь было... неприятным. В самой основе моего нового тела возник низкочастотный вибрационный вой, чувство глухого отторжения. Будто сама материя не хотела меня пропускать, сопротивлялась на фундаментальном уровне. Но сопротивлялась слабо.

И я просочился внутрь.

Контраст был ошеломляющим.

После ядерной пустоши, радиоактивного ветра и выжженного неба здесь, под землёй, был... мир. Или то, что от него осталось.

Полумрак, разрываемый аварийными фонарями и кострами, разведёнными в металлических бочках. Воздух густой, тяжёлый, пропитанный запахами: человеческого пота, крови, гноя, дешёвого антисептика, гари и всепроникающего, животного страха. Остаточная радиация, медленно, но неумолимо просачивающаяся сквозь толщу земли, неприятно покалывала в носу.

Я материализовался прямо в центре станции, выплыв из стальной стены и тут же осветив всё вокруг золотым светом.

И тут же обрёл форму — снова стал тем молодым человеком с золотыми глазами, стоящим посреди зала и озаряющим его своим мягким, тёплым, неестественным светом.

На секунду воцарилась абсолютная тишина.

Сотни глаз уставились на меня. Люди, сидевшие на одеялах, лежавшие на носилках, прижавшиеся друг к другу у стен, — все замерли. Даже дети перестали плакать. Они смотрели на сияющее существо, явившееся из стены, с немим, непонимающим ужасом.

Я огляделся.

Увидел раненых. Много раненых. Ожоги, переломы, раны, замотанные грязными бинтами. Увидел стариков, чьи глаза были пусты, как выжженная пустошь снаружи. Увидел мать, прижимающую к груди ребёнка, лицо которого было покрыто красными, страшными пятнами — радиационными ожогами. Увидел мужчин с пустыми взглядами, сжимающих в руках самодельные копья из арматуры.

И я увидел, как в этих глазах, полных боли и отчаяния, вспыхивает не надежда.

А паника.

Дикая, животная, безумная паника. И УЖАС передо мной.

Кто-то вскрикнул — коротко, пронзительно, как загнанный зверь.

И тишина взорвалась хаосом.

— Чудовище!

— ОНО ВЫЛЕЗЛО ИЗ СТЕНЫ!

— Это Китай! Они нас нашли!

— Убейте его!

В меня полетело всё, что было под рукой. Консервная банка. Кусок бетона. Обувь. Камень. Но я стоял неподвижно, и всё это пролетало сквозь моё сияющее тело, не оставляя и следа.

А потом из толпы вырвались двое.

Молодой парень, лет двадцати, с перекошенным от страха и ненависти лицом. И девушка, похожая на него, с такими же дикими глазами. Они были грязные, измождённые, но в их руках плясали сгустки энергии.

Маги.

Слабо обученные, едва стабильные в нынешних условиях, но маги.

Парень выбросил вперёд руки. Из его ладоней рванулся язык бледного, чахлого пламени — остатки силы, выжатые из истощённого организма. Оно ударило меня в грудь и... потухло, поглощённое моим сиянием, как спичка, брошенная в океан.

Девушка взревела. Её телекинез схватил обломок бетонной колонны, валявшийся неподалёку, и швырнул его. Глыба, весом в полтонны, полетела прямо в меня.

Я даже не пошевелился. Просто посмотрел на летящий камень и мысленно отдал приказ окружающей мане.

И камень остановился в метре от моего лица. Завис в воздухе, словно насекомое в янтаре. А потом медленно, с тихим скрежетом, рассыпался в песок, который мягко осел на полу.

Я чувствовал их страх. Их ярость. Их отчаянную, безумную решимость защитить это последнее убежище. И во мне не было злости на них. Была... усталость. И лёгкое раздражение. Как от комаров, жужжащих над ухом.

Хватит.

Мысль была тихой, но обладала силой приказа.

Я снова поднял руку. Не потому что этот жест был для меня важен. Для концентрации.

И уплотнил магическое поле вокруг себя.

Воздух на станции загустел. Потом засветился. Сначала едва заметным золотистым свечением, потом ставшем ярче, плотнее. Воздух стал тягучим, как мёд, и люди, пытавшиеся бежать или броситься в атаку, замедлились, словно попав в воду...

Я сжал поле.

Золотой свет вспыхнул, превратившись в твёрдую, прозрачную субстанцию. В идеальный, сияющий янтарь, заполнивший всё пространство станции.

И все — каждый человек, каждая тень, каждое движение — застыли.

Застыли в момент паники, броска, крика, молитвы. Люди были словно доисторические ископаемые, заморожены в золотую, светящуюся смолу. Они не могли пошевелить ни пальцем. Не могли моргнуть. Только их глаза — полные немого, абсолютного ужаса — двигались, следя за моей сияющей фигурой, медленно идущей среди них.

Тишина вернулась. Теперь она была абсолютной, гнетущей, звенящей.

Я шёл по залу, мои золотые глаза спокойно скользили по застывшим лицам. Я искал.

Кто здесь старший? Кто держит в голове хоть какую-то картинку происходящего?

Я снова почувствовал всплески мыслей, отчаянные, хаотичные. Мольбы к Богу. Проклятия. Детский плач, звучащий в неокрепшей психике.

И один — более упорядоченный поток. Не спокойный. Нет. Насквозь пропитанный ужасом и болью. Но в нём была... какая-то ответственность. И воля.

Я остановился перед застывшей фигурой. Пожилой мужчина, в потрёпанной, грязной форме со знаками МЧС. На лице — сажа, кровь, морщины. Он прижимал к себе маленькую девочку, закрывая её своим телом. В его застывших глазах читалась не паника, а решимость «Уберечь» её.

Я коснулся пальцем пространства перед лицом мужчины. Золотой «янтарь» вокруг него тут же растаял, и мужчина рухнул на колени, судорожно обхватывая девочку, которая тут же зарыдала. Он поднял голову, глядя на меня глазами, в которых смешались ненависть, отчаяние и капля безумной надежды.

Я «отпустил» ещё двух людей — тех самых магов, брата и сестру. Они также упали, хватая ртом воздух. Их магический потенциал был всё также полностью подавлен моим полем.

— Кто здесь старший? — ровно и демонстративно спокойно спросил я.

Мужчина в форме МЧС поднялся, всё ещё прижимая к себе девочку.

— Я... Борис Николаевич. Начальник смены на этой станции. — Голос его был хриплым, надтреснутым, но он держался. — Кто вы? Что вы такое?

— Неважно. Я спрашиваю — вы отвечайте. Что произошло?

Борис закашлялся, выхаркал пару капель крови на грудь, а потом выпрямился.

— Конец света, вот что. Внезапно. Сначала связь пропала. Потом... грохот. Да такой, будто земля раскалывается. Потом толчки. Пыль посыпалась с потолка. Мы успели затворить створы по инструкции... А когда попытались выйти... — он махнул рукой в сторону завала, — всё рухнуло. А снаружи... снаружи ад.

— Удары были везде?

— Везде! — вступила девушка-маг, как я вскоре узнал, её звали Алина. Она сидела на полу, обхватив колени. — По радио, пока то ещё работало, кричали... «Массированная атака... Китай...». Говорили про десятки городов. Москва, Питер, Нижний...

Её брат, Дмитрий, кивнул, не в силах вымолвить слово.

— Китай, — повторил Я. Мои золотые, слепые на вид глаза опасно сузились. Внутри, в ледяной пустоте, искра гнева затлела ещё ярче.

Именно они сделали то, что должен был сделать любой сведущий хирург. Увидел раковую опухоль — вырезал. Вместе с органом. И со всем телом, на всякий случай.

Борис смотрел на него, не понимая.

— Вы... Кто вы такой?

— Я — всего лишь ещё один маг. — Мои слова прозвучали с горькой, беззвучной усмешкой.

В этот момент из толпы застывших людей послышался слабый, но ясный мысленный импульс. Не страх. Мольба. И информация.

Я повернул голову в сторону источника. Пожилая женщина, застывшая в позе молитвы. Её глаза, полные слёз, смотрели прямо на меня.

Подчиняясь какому-то внезапному порыву и внутреннему чутью я резко обратился золотым туманом и проник в тело женщины. В её сознании плескался обрывок воспоминания: голос сына, срывающийся от ужаса, в трубке: «Мама, бегите! Координаты... бункер «5»... там коды... там целители... они вылечат от радиации... я не могу... я должен... прости...»

Я вышел из неё, принял физическую форму и тут же растворил «янтарь» вокруг. Старуха упала передо мной на колени, не в силах стоять.

— Сын... мой сын... он в ЦКМ работал... Он сказал... перед самым... — она захлёбывалась слезами и словами. — Сказал, есть бункер. С запасами. С врачами-магами. Сказал... мы можем не успеть до взрыва... но если выживем... идти туда. Они вылечат.

Целители. Маги. Бункер.

В моём сознании, как шестерни в механизме, закопошились мысли.

Значит, не всё уничтожено. Где-то под землёй ещё жива старая система. Климов? Президент? Остатки командования?

Я посмотрел на Бориса.

— Вы знаете, где этот бункер?

Тот мрачно покачал головой.

— Только то, что она сама и сказала. «Бункер-5». Это всё.

— Достаточно, — Раз они не знают, то я найду его сам. Моё восприятие, снова принявшее форму огромного осьминога, растянувшего свои щупальца на километры вокруг, уже нащупывало в земле аномалии — мощные скопления металла, жизни, магических барьеров. И одно из них, в двадцати километрах отсюда, соответствовало описанию.

Я вернулся в центр зала, оставив пятерых людей свободными. Остальные всё ещё были скованы в золотых барьерах.

Я прошёл среди них, и теперь моё восприятие фокусировалось не на мыслях, а на их телах.

Я видел радиацию.

Она была как гниющие узоры в из плоти. Яркие, ядовитые пятна внутри их тел, разъедающие органы, костный мозг, ДНК. Для меня это был не диагноз. Это была грязь. Искажение порядка. И моя новая сущность, чистая структурированная магия, отторгала это.

Я остановился перед мальчиком с ожогами на лице — тем самым, которого держала мать. Он смотрел на меня расширенными от ужаса глазами.

Я медленно протянул к нему руку, уперев пальцы в лоб. Золотое сияние коснулось обожжённой кожи.

И я резко потянул грязь на себя.

Всё, что я делал, было чисто интуитивным, не подкреплённым ничем, кроме внутреннего чутья. Но это давало плоды.

Радиация, как тёмная, липкая субстанция, потянулась из тела мальчика к моей золотой ладони. Она впитывалась в моё сияние, растворялась в нём, трансмутировалась в чистую, нейтральную энергию. Ожог не исчез. Но яд внутри — тот, что должен был убить ребёнка через несколько дней мучительной агонии, — был нейтрализован.

Мальчик ахнул. Его глаза наполнились не страхом, а изумлением. Боль от ожога никуда не делась, но что-то внутри него... улеглось, успокоилось. Чувство внутреннего холода, тошноты — пропало.

Я отнял руку и осмотрел свою ладонь, где на секунду проступило тёмное пятно, тут же поглощённое золотым светом.

Так. Значит, я не только гарант, не только хирург. Я ещё и санитар. Универсальный инструмент для зачистки чужих ошибок. Какая разносторонняя личность однако из меня получилась...

Я поднял голову.

— Вы все заражены радиацией. Она уже внутри вас. И она сожрёт вас за дни, медленно и болезненно. Я могу её забрать. Но вечно так продолжаться не может. Необходимо перейти в безопасное место.

Я сделал паузу, давая словам осесть в их головах.

— Я уже знаю, где этот бункер. Тот самый, «Бункер-5». Там наверняка есть надёжные стены. Запасы. Врачи. И, возможно, ответы на все ваши вопросы. Я отведу вас туда. И это не предложение. Это — единственный маршрут выживания. Для всех вас. Возражения не принимаются.

Я разжал кулак. Золотой «янтарь», сковывавший станцию, рассыпался в искрящуюся пыль и исчез. Люди рухнули на пол, кашляя, плача, но уже не в панике. В шоке. В ошеломлении.

Я не стал ждать согласия. Просто развернулся и пошёл к завалу, что вел наверх. Моя сияющая фигура была маяком в полумраке.

— Собирайте вещи. Только самое необходимое. Возьмите побольше воды, если она есть. Через десять минут мы выходим. Я создам коридор. Он уменьшит радиацию. Но идти вам придётся самим.

Я вышел из станции, снова став туманным призраком, чтобы пройти сквозь завал. На поверхности меня ждало багровое небо и выжженная земля.

Я стоял на краю ядерной пустоши, а за моей спиной, в тёмной пасти метро, копошились люди — испуганные, раненные, но всё ещё живые.

Я посмотрел на свои золотые руки. Руки призрака. Руки оружия. Руки последней надежды для этих напуганных людей.

Ну что ж, Иван Сергеевич, если ты там, в своём бункере, ещё жив... готовься. Я веду тебе подарочек. Целый вагон проблем, боли и вопросов. И себя в придачу. Посмотрим, какие у тебя остались козыри на этом пепелище...

И где-то глубоко, под слоями льда и ярости, шевельнулось что-то очень старое, почти забытое. Что-то вроде... ответственности. Не навязанной. Принятой добровольно.

Надо помочь людям выбраться.

Я медленно поднял руку, направив её в сторону завалов, а после... Легко дёрнул кистью вверх.

В то же мгновение сотни тонн обвалившегося камня, цемента, арматуры и обломков лепнины взмыли вверх, сгорая от немыслимой скорости и уносясь в низко нависающее небо. Я не боялся убить кого-то этим мусором. Всё живое, что было на поверхности, и так уже мертво.

Обернувшись к выходу из метро, я увидел расчищенный спуск вниз и сорванные с петель стальные створы, откуда уже показывались первые, робкие фигуры.

Шагайте, — подумал я, и в этой мысли не было тепла, но была неумолимая решимость. — Шагайте вперёд. Пока я ещё не разучился быть добрым.

Глава 6

Меня зовут Артём, мне семь лет. И я помню, как начался конец света.

Сначала противно завывали сирены. Не как на уроках в школе – чтобы пошуметь и вернуть всех обратно в класс. Эти выли долго... противно, и мама сразу побледнела. Она схватила меня за руку так больно, что я запищал, но она не отпустила. Мы выбежали из квартиры, даже двери за собой не закрыли, хотя мама всегда строго-настрого запрещала мне так делать. На лестнице было полно людей – все кричали, толкались, кто-то упал, а люди побежали прямо по нему... Я увидел, как тот дядечка вскоре затих под ногами... Мама тащила меня через всех, крепко-крепко прижимая к себе. Она постоянно мне твердила:

– Не бойся, не бойся, – но сама вся дрожала. Обманщица.

Мы побежали к метро. На улице мне стало ещё страшнее. Машины стояли посреди дороги, громко бибикая, отовсюду слышалась ругань. Люди бежали, как бегает муравьи, когда бьёшь муравейник палкой. Небо было странное – жёлтое, будто перед грозой, очень тихое. И вдалеке виднелось большое тёмное облако. Мне почему-то стало очень жутко, когда я его увидел.

В метро, куда мама меня затащила, оказалось ещё хуже. Там всё пахло потом, кровью и всюду были слышны крики. Нас спустили вниз и запихнули в зал, откуда обычно садились на поезда. Дядя Борис – старый мамин знакомый – в форме, громко командовал, чтобы все успокоились. Но никто не успокаивался. И плохо его слушался. А так нельзя – дядю Бориса всегда надо слушаться, когда спускаешься в метро! Так мама мне всегда говорила...

А потом сверху пришёл **ГРОХОТ**.

Не просто звук. Именно **ГРОХОТ**! Будто гигантский молот, как в мультиках, ударил по крышке нашего подземного ящика. Пол дёрнулся так сильно, что я упал. С потолка посыпалась белая пыль, а потом начали падать целые куски штукатурки. Кто-то закричал пронзительно закричал:

– Обвал!

Мама накрыла меня собой. Было тесно, душно, грудь болела. Я плакал, но меня почти не было слышно – все кругом кричали и плакали. Потом был второй удар. И третий. Ближе. Сильнее. Свет в последний раз мигнул и погас... Остались только тусклые красные лампочки и фонарики дяди Бориса и его людей.

Наступила тишина.

Не полная – кто-то стонал, ребёнок плакал где-то далеко. Но того дикого людского ора больше не было. Все замерли, прислушиваясь к чему-то. Сверху до нас доносился какой-то далёкий, низкий гул, будто огромный поезд ехал куда-то над нашими головами.

Потом дядя Борис и другие дяди попытались открыть тяжёлые двери, которые закрылись после нас. Они стучали, что-то кричали в рации, но им никто не отвечал. Тогда лица у них стали серыми, как пепел. Дядя Борис долго злился и бил ногой стену. Я впервые увидел, как он плачет...

Мы просидели так долго. Очень долго. Часов у меня не было, но мама говорила, что прошла уже ночь, а потом снова наступил день.

Еды было мало. Воду давали только по глотку, а я всё время хотел пить... Горло очень сильно болело и чесалось. А ещё я очень боялся. Больше всего мне было страшно тишины снаружи. Потому что раньше сверху всегда что-то гудело – машины, поезда, там кипела жизнь, кто-то что-то говорил. А теперь... была только та самая, страшная тишина и иногда – далёкий грохот, будто что-то ещё падало, осыпалось.

Вскоре у меня заболела голова. Потом начало тошнить. Мама гладила меня по лицу, и её рука была такая горячая... Мне казалось что меня снова кусает этот противный горячий утюг,

от которого у меня до сих пор не зажил шрам на ладони. У мамы на лице и на руках появились странные красные пятна, как ожоги. У многих теперь они были. Дядя Борис ходил и говорил, что это «радиация», что нужно экономить воду, что помощь придёт, и постоянно кормил нас противными таблетками. Он говорил, что это йод.

Я думаю, он меня обманул. Йод всегда жидкий и в баночке. Рядом с зелёнкой. И мама никогда мне его есть не разрешала! А тут... Сама заставила эту таблетку проглотить. Все взрослые – обманщики.

И помощь к нам тоже никакая не приходила.

Однажды самые сильные мужчины и тётя Алина с дядей Димой, которые могли двигать вещи силой мысли – мама шептала мне, что они маги, как в новостях – попытались разобрать завал у дверей. Долго стучали, что-то подпирали, ругались. А потом раздался скрежет, крик, и всё обрушилось снова. Больше они не пытались.

Я уже почти не плакал. У меня не было сил... Я просто лежал на старом одеяле, прислонясь к маме, и смотрел в потолок, где трещина в штукатурке была похожа на дракона. Голова противно гудела, всё тело болело, и во рту был странный металлический вкус, как если лизнуть батарейку. Почему-то мне становилось очень-очень плохо... Мама сказала, что это меня так укусила радиация, но я то точно знал, что никто меня не кусал! Но плохо мне и вправду было...

И вот, когда уже казалось, что так уже и будет всегда – тихо, темно, больно – случилось чудо. Или кошмар. Я до сих пор не знаю и до конца не решил, как это назвать.

Сначала стена у тяжёлых дверей... засветилась. Она вдруг стала золотой, будто сквозь бетон и сталь пробивалось маленькое, сжатое солнышко. Свет был таким тёплым, красивым, но от него стало ещё страшнее. Потому что светиться стали не лампочки, а сама стена.

Люди вокруг зашептались, задвигались. Дядя Борис встал, схватился за топор. Алина и дядя Дима вышли вперёд, и у них в руках заплескались красивые огоньки – слабые, дрожащие, но живые!

И тогда из стены вышел **ОН**.

Не открыл дверь. Не проломил стену, как герои в мультике. Просто стена как будто перестала быть стеной, и из золотого пятна на ней выплыла одинокая фигура. Сначала это был просто сгусток света, бесформенный и яркий, как настоящее солнце. Потом свет начал уплотняться, вытягиваться, и через секунду перед нами стоял... человек.

Молодой дядя. В тёмной, простой одежде. С чёрными волосами. Словно бы он вышел из какого-то старого маминого фильма, где все красивые и немного грустные.

Но это был не человек.

Я понял это сразу. Потому что, во-первых, он вышел из стены, а люди так не умеют. А во-вторых, у него были глаза. Вернее не так, не глаза. На месте глаз у него горели два маленьких золотых солнца. Без зрачков, без белка. Просто ровные, яркие шары света. Они светили ровно и спокойно, и от них по всему залу разливался такой же золотой свет.

Все замолчали. Даже дышать перестали. Потом кто-то всхлипнул. Кто-то прошептал:

– Чудовище...

ОН осмотрелся. Его слепые глаза медленно прошлись по всем нам – по лежащим, по сидящим, по тем, кто дрожал у стен. В его взгляде не было ни злости, ни доброты. Ничего. Как у робота в музее, куда мы ходили всем классом.

И тогда люди не выдержали. Закричали. В него полетели банки, камни, а он... даже не пошевелился. Всё пролетало сквозь него, будто его там и не было вовсе. Дядя Дима заорал плохие слова и бросил в него комок огня. Огонь ударил ему в грудь и просто... погас, как спичка. Алина, вся трясясь, подняла здоровенный кусок бетона и швырнула в незнакомца.

И тогда ОН впервые пошевелился.

Просто повернул голову и посмотрел на летящий камень.

И камень застыл в воздухе. Прямо перед ЕГО лицом. Повис, как муха, запутавшаяся в паутине. А потом, с тихим шелестящим звуком, он рассыпался в мелкий-мелкий песок и упал на пол.

Тишина стала абсолютной, давящей. Страшнее любого крика...

Потом ОН поднял руку. И всё вокруг застыло. Нет, не только люди – даже воздух испуганно замер! Он засветился золотым светом и стал густым, как кисель. Я попытался пошевелить рукой – она двигалась, но очень-очень медленно, будто я нырнул под воду. А потом и вовсе остановилась. Я не мог шевельнуться! Не мог даже моргнуть! Только глазами водил из стороны в сторону... Все вокруг были такие же – застывшие статуи с широко открытыми от ужаса глазами.

Он прошёл среди нас. Его шаги были бесшумными, а ноги почти не касались пола. Он шёл, оглядываясь, словно рассматривая нас как экспонаты в музее. Остановился перед дядей Борисом, который стоял, закрывая собой какую-то девочку. Коснулся пальцем воздуха перед ним – и золотая плёнка вокруг него исчезла, и дядя рухнул на колени, схватился за грудь, а потом обнял девочку. Чуть позже ОН «отпустил» Алину и Диму. Они тоже тогда упали, задыхаясь.

Он спросил у дяди Бориса что-то тихим, ровным голосом. Я разобрал что-то про взрывы. Про Китай. Дядя Борис, кашляя, отвечал. Потом одна бабушка, которую ОН тоже отпустил, начала плакать и что-то говорить про бункер, про сына... про целителей.

ОН слушал. Его золотые глаза сузились, будто ОН о чём-то думал. Потом ОН снова прошёл среди нас, застывших. И остановился... прямо передо мной.

Я лежал, не в силах пошевелиться, и смотрел в эти два золотых солнца на его лице. Мне было не просто страшно. Мне казалось, что я смотрю на что-то очень страшное. Плохое. Это было очень похоже на то, как мама когда-то возила меня на экскурсию к старому языческому капищу. Там был дядька с очень похожим взглядом. Только он был сделан из дерева. Тётя-экскурсовод тогда назвала его Перуном. Тот дядька был очень похож на этого...

Потом ОН медленно протянул ко мне руку. Длинные, светящиеся изнутри пальцы приблизились к моему лицу. Мама, застывшая рядом, смотрела на это, и в её глазах был такой ужас, что мне стало больно за неё.

Его пальцы коснулись моего лба. Там, где было самое болючее красное пятно.

И случилось... странное.

Не было боли. Вообще. Было только ощущение... вытягивания. Будто изнутри меня, из самой глубины, где что-то противно болело и тошнило, кто-то тянет длинную, липкую, холодную нитку. И тянет её наружу, через лоб, к этим золотым пальцам. Мне стало легче. Гул в голове стих. Тошнота медленно отступила. Я аж ахнул от неожиданности – и смог! Смог издать звук!

Он отнял от меня свою руку. На его пальцах на секунду мелькнуло тёмное пятнышко, но золотой свет тут же его съел, проглотил.

Потом ОН поднял голову и сказал что-то нам всем. Про радиацию. Про то, что мы все заражены. Про бункер. Что ОН поведёт нас туда. Голос был ровный, без эмоций. Он говорил, как диктор по радио.

Он разжал кулак – и золотая тюрьма вокруг нас рассыпалась. Все рухнули на пол, закашлялись, заплакали, но уже не так дико. Было видно, что люди в шоке, но паники больше не было. Был... ужас перед неизбежным.

А ОН не стал нас ждать. Просто развернулся и пошёл обратно к стене, к завалу. И по дороге... его тело снова поплыло, потеряло чёткость. Одежда, лицо, волосы – всё это растворилось в золотом сиянии. Он снова стал тем бесформенным сгустком света и просто... вошёл в стену. Исчез.

Мы все сидели, не понимая, что делать. Дядя Борис первый пришёл в себя. Он закричал, чтобы собирали вещи, воду, кто может – помогал раненым. Все засуетились, но тихо, покорно. Как будто после ЕГО взгляда и этого золотого плена все силы сопротивления у людей кончились. До этого дядю Бориса никто так не слушался...

И тогда снаружи, из-за тяжёлых дверей, послышался скрежет. Не такой, как когда люди их ломали. А мощный, металлический, будто титановые когти рвут сталь. Потом – глухой УДАР. И ещё один. И ещё...

Массивные створы, толщиной в мою руку, взорвались внутрь. Не открылись – их просто сорвало с петель, и они с грохотом упали на пол, подняв тучи пыли. В проёме, заваленном камнями и арматурой, светило всё то же золотое сияние.

А потом началось самое невероятное.

Камни – огромные, в половину машины и больше – взлетели вверх. Просто оторвались от земли и понеслись вверх, в темноту шахты. Арматура, балки, куски бетона – всё это поднималось в воздух и уносилось прочь, словно гигантская невидимая рука выметала мусор. Грохот стоял оглушительный. Мы все прижались друг к другу, зажмурились. Через щели в пальцах я видел, как туннель наверх, забитый обломками и грязью, расчищается за считанные секунды.

А потом стало совсем светло. По-настоящему светло. Сверху, через огромную дыру, куда унеслись завалы, лился грязно-багровый свет. Не привычное солнце. Другое небо. Ядовитое, страшное, низкое.

И на краю этой дыры, наверху, на фоне этого больного неба, стояла одинокая фигура. ОН снова был в форме человека, но теперь его всего окутывало золотое пламя. Аура из чистого света. Она горела, сияла, и в этом сиянии клубились тёмные пятна – будто пламя пожирало какую-то грязь. Он стоял, подняв руку, и был похож на... на ангела. Или даже бога! Только в церквях на стенах они были добрые, а этот был страшный. Красивый и страшный.

Дядя Борис первым выбрался наверх. Потом помог другим. Мы вылезали в новый мир. И... это был уже не наш мир.

Всё было чёрное. Земля, раньше покрытая травой и асфальтом, теперь стала гладкой, как стекло, и чёрной. Деревья торчали по всюду угольными палками. Дома... домов почти не было. Только груды чего-то тёмного да торчащие, кривые железные штыри. Воздух пах... странно. Горелым и чем-то кислым. А ещё было тихо. Так тихо, что звенело в ушах.

Везде, куда ни глянь – на восток, на запад – небо было багровым, с зелёными прожилками, которые медленно ползали, как ядовитые черви. Вдали, на горизонте, стояли огромные грязные грибы из дыма и пыли. Не один. Много.

Я заплакал. Тихо. Мама молча прижала меня к себе. Её лицо тоже было мокрым от слёз.

А ОН спустился к нам. Пламя вокруг него погасло, и ОН снова стал тем молодым дядей с золотыми глазами. Но теперь мы все знали – это точно не дядя. Это что-то совершенно другое.

– Идёмте, – сказал ОН. И пошёл вперёд, к далёкому и жуткому городу-призраку.

Мы поплелись за НИМ. Стариков и раненых несли на самодельных носилках. Я шёл, держась за мамину руку, и смотрел по сторонам. На оплавленные машины. На тени на стенах – человеческие силуэты, навсегда впаянные в кирпичи. На маленькую игрушку – лошадку, наполовину ставшую стеклом. Мир стал чёрно-серым, мёртвым и тихим. Только наше шарканье ног и тихий плач нарушали эту тишину.

И тут начались чудеса. Настоящие чудеса!

Мы шли по широкой улице, и вдруг сбоку, с огромной полуразрушенной высоты, стала откалываться и падать целая стена. Люди вскрикнули, бросились в стороны. Но ОН просто поднял руку. И падающие многотонные плиты замерли в воздухе. Потом они плавно, будто на невидимых нитях, отплыли в сторону и аккуратно сложились на пустом месте, не поднимая и пылинки.

Потом мы вышли на открытое место, где дул сильный, неприятный ветер. Он нёс с собой ту самую кислую пыль. Люди начали кашлять, закрывать лица. ОН остановился, огляделся. Потом взмахнул обеими руками.

От земли до неба, вокруг всей нашей колонны – человек двести, наверное – встала стена. Золотая, прозрачная, сияющая. Она была как пузырь из мыльного раствора, только огромный и прочный. Ветер сразу стих. Воздух стал чище, стало легче дышать. Мы шли внутри этого золотого пузыря, а снаружи носилась злая радиоактивная пыль и пепел, не способные больше до нас дотянуться.

ОН шёл впереди нас, и пузырь двигался вместе с ним. Иногда ОН останавливался, вглядывался вдаль своими слепыми золотыми глазами, а после делал движение рукой – и где-то впереди рушилось какое-нибудь неустойчивое здание. Заранее, чтобы оно не упало на нас потом. Или наоборот – огромная груда обломков сама собой разбиралась на аккуратные куски, открывая для нас проход дальше.

Но самое главное чудо было с людьми. Те, кто шёл ближе к НЕМУ, менялись. У старика, которого несли на носилках, перестали трястись руки и прошёл кашель. У женщины с красными пятнами на лице – пятна стали бледнеть, а потом и вовсе сошли, оставив только розовую кожу. Дети, которые шли, пошатываясь, начинали идти увереннее, а глаза их становились яснее.

ОН не касался нас. ОН просто шёл вперёд, и его золотое сияние, этот пузырь, сама его близость – лечили нас. Вытягивали ту самую невидимую гадость, что поселилась внутри тел после взрывов.

И я тоже почувствовал, как мне становится лучше. Голова уже почти не болела. Слабость уходила. Я даже чуть отпустил мамину руку и посмотрел прямо на него.

ОН шёл, не оборачиваясь. Прямая, одинокая фигура впереди колонны. Его золотые глаза были устремлены куда-то далеко-далеко, в сторону тех ядовитых грибов на горизонте. На его лице не было ни усталости, ни злости. Ничего. Только эта страшная, ледяная решимость.

И я вдруг подумал, глядя на него, на золотой купол над нами, на расчищаемую им дорогу среди руин: он же совсем один... У него нет мамы, которая держит за руку. Нет дяди Бориса, который командует. Он один против всего этого мёртвого мира. И он ведёт нас, таких слабых, таких испуганных...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.